

ВИКТОР КВАШИН

Сказки
о Бохайском царстве

Виктор Квашин

Сказки о Бохайском царстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789168

ISBN 9785449804679

Аннотация

В увлекательном художественном повествовании показана жизнь бохайцев, их культура, обычаи, верования, ремёсла и хозяйство, а также сложные отношения с соседними государствами. Что получилось – судить читателю. Можно лишь добавить, что исторические сведения, сообщённые устами героев – правдивы и почерпнуты из научно достоверных источников.

Содержание

Сказки о Бохайском царстве	1	5
Глава 1. Князь Нэнгу	2	7
Глава 2. Как Гобо потерянную душу искала		11
Глава 3. Спасительные «Небесные цветы»		16
Глава 4. Сказка о волшебной крупоружке	20	21
Глава 5. Искусство притворяться		29
Глава 6. Дед Гогсига		38
Глава 7. Сказка о коне Мурунку	40	47
Глава 8. Сказка о справедливости		56
Глава 9. О большой рыбе и конопле		65
Глава 10. Игра в мяч на лошадях	53	72
Глава 11. Сказка о соли		81
Конец ознакомительного фрагмента.		90

Сказки о Бохайском царстве

Виктор Квашин

Иллюстратор Ольга Ничипуренко

Верстка Владимир Квашин

© Виктор Квашин, 2020

© Ольга Ничипуренко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-0467-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки о Бохайском царстве¹

Бохай (698 – 926 гг.) – первое, самое древнее государство на современных территориях дальневосточной России. Правители Бохая не озаботились написанием летописей собственной страны, а просвещённые соседи – древнекитайская империя Тан, древнекорейские Когурё и Тхэбон и древнеяпонские Ямато и Нихон в своих жизнеописаниях уделяли Бохаю слишком малое число иероглифов. Прошедшие после гибели этого загадочного государства 11 веков были чересчур бурными, чтобы сохранить о нём весомые материальные свидетельства. Поэтому и кропотливый труд археологов не в состоянии составить из мозаики разрозненной информации полноформатное полотно исчезнувшего государства.

Слово «сказки» в название книги введено не случайно. Такой приём позволяет автору избежать слишком серьёзной критики со стороны ревнителей истории. Тем не менее, «сказки» – это не совсем сказки, это лишь способ, не слишком докучая читателю научными подробностями, доступно изложить достоверную информацию, и тем самым возбудить у любопытного читателя интерес к древней истории дальневосточного региона России и сопредельных стран.

¹ Бохайское царство – первое тунгусо-маньчжурское государство (698 – 926 гг.), находилось на нынешних территориях российского Приморья, Северо-Восточного Китая, и северной части КНДР

Для любознательных читателей любого возраста.

Глава 1. Князь Нэнгу²

Старая Гобо³ выбралась из кустов, одной рукой снимая с лица паутину, а другой прижимая к груди четыре яйца. Она была довольна: несколько дней выслеживала курицу, чтобы узнать, где та несёт яйца, и теперь возвращалась с добычей, отыскав, наконец, кладку в зарослях. Вообще-то такую курицу по-хорошему следовало пустить под нож, но в нынешние времена, когда воруют всё, что возможно украсть, когда за ночь вычищают куриные гнёзда, а если застанут в них кур, то и тех вместе с яйцами унесут, теперь эта умная курочка – спасение для бедной хозяйки.

Гобо чуть не выронила яйца, увидев у своего дома всадника, а за домом на дороге ещё нескольких. Она готова была кинуться обратно в заросли, но узнала коня, а затем и седока. В этом худом, запылённом и страшно уставшем воине она опознала молодого князя, начальника всего уезда долины Быстрой реки и командира крепости Саинбар⁴. И сразу пропал страх у старой Гобо, и поднялась обида и глубокая неприязнь.

– Доброго Солнца, мать. Не бойся, я к тебе с просьбой, –

² Нэнгу – серый волк (удэ)

³ Гобо – муха (удэ) – бабушка

⁴ Саинбар – Нижний Лагерь (кит.) – сейчас село Стеглянуха Шкотовского района Приморского края

прохрипел Нэнгу, спускаясь с коня.

Гобо не здороваясь и не кланяясь прошла, будто мимо пустого места, под навес, положила яйца в миску, зашла в дом, почти сразу вышла с глиняной кружкой, подала князю.

Тот выпил до дна большими глотками, осмотрелся, присел на колоду. Заметно было, что ноги его не держат.

Гобо взяла коня за узду, погладила по морде. Потом принесла корчагу воды и зверю. Тот всхрапнул, сунул морду и тоже выпил до дна, и положил голову на плечо женщины.

– Я с просьбой к тебе, – повторил Нэнгу.

Гобо стояла молча, ждала.

– Младший мой сын болен. Не довезём. Позволь оставить у тебя. Ты ведь умеешь лечить. Вернусь – отблагодарю, не пожалеешь.

– Оставайся здесь со своими людьми, помогу чем смогу. Отдохнёте, подлечите ребёнка, дальше поедете.

– За нами гонятся, надо ехать.

– Где же твоё княжеское воинство? Разбежалось? – не удержалась от язвительности Гобо, и сама удивилась, что нет в ней ни капли прежней почтительности и страха перед высокородным.

Наверно князь не в силах был даже злиться.

– Одни разбежались, другие погибли. Эй, несите, – крикнул он спутникам.

Из-за дома вышел рослый воин с ребёнком лет девяти на руках. Ноги и рука больного безвольно свисали. Ря-

дом шли молодая женщина, судя по одежде, княжна, и вторая, по-видимому нянька. Гобо не собиралась соглашаться, но увидев, что ребёнок без сознания, повела в дом.

– Клади сюда, – показала на свою лежанку. – Одежда есть ещё для него?

– Нет, сгорело всё.

– Ладно, идите, сама разберусь.

Княжна упала на колени, прижала к лицу ручку мальчика, плечи её затряслись. Нянька, обняла её за плечи, вывела на двор. Та вернулась, порывисто схватила Гобо за руки.

– Умоляю, сохрани моего сына! Вернёмся, во дворце жить станешь, на золоте есть... Только сохрани!

– Идите, поезжайте уже, я догоню, – сказал своим князь и обернулся к Гобо. – На вот пока, больше нет, – он протянул связку серебряных колец. Вернусь – будешь иметь всё. Только сбереги. Нянька поможет тебе.

– Не нужна мне твоя нянька. Чем я её кормить буду? И серебро заberi – что теперь купишь на эти побрякушки. Отнимут или украдут. Езжай, не думай о сыне, сделаю всё, что смогу, – ответила Гобо, поглаживая морду коня, который сам подошёл, тянулся тёплыми губами.

– Я нечестно тогда забрал коня у твоего мужа, я помню. Забирай обратно, он твой по праву.

Гобо горько усмехнулась:

– Тебе он сейчас нужнее. Делай своё дело, не беспокойся. Как зовут мальчика?

Нэнгу задумался на мгновение.

– Зови Бата⁵.

– А он знает, что его зовут Бата?

– Никто не должен знать, что он мой сын. Узнают, убьют и его, и тебя. Понятно?

Гобо кивнула.

– Отчего он заболел?

– Испугался, когда пожар был.

Гобо сочувственно покачала головой

– Пусть духи дадут тебе лёгкий путь и успех в задуманном деле.

Князь с усилием поднялся в седло, обернулся.

– Мать, скажи, кто спалил все дома в крепости?

– Мне-то откуда знать? Свои и спалили или рабы беглые.

Чужие сюда ещё не доезжали.

– Скоро приедут. Береги сына! – Нэнгу тронул коня, но сразу натянул повод. – Прости меня, мать...

– Не у меня ты коня забирал, не мне тебя и прощать. Всё надо делать вовремя. Езжай, пусть духи тебя не покинут. Некогда мне с тобой, – и быстро ушла в дом, чтобы князь не увидел слёз.

⁵ Бата – мальчик (удэ), также имя

Глава 2. Как Гобо потерянную душу искала

Дослушав из дверного проёма удаляющийся вверх по долине Бейцы⁶ стук копыт, Гобо произнесла:

– А князь верно поехал, там на плоскогорье в болотах легко следы запутать, а дальше можно на Дауби⁷ реку выйти, там ещё наши, наверное, – она часто сама с собой разговаривала, а с кем ещё? – Ну вот, старая, послали духи тебе заботу! Жаловалась, что плохо одной жить, теперь поживи вдвоём.

Она подошла к мальчику, потрогала горячий лоб, накрыла старым козьим одеялом. Затем достала из прикрытой плахами и травяным матом хозяйственной ямы горшочек с жиром. Зачерпнув пальцем, помазала столб посреди жилища, после – порог, потом вышла к сэвэну⁸ у входа, помазала, прищёптывая, рот ему, после – сэвэну у полусгнивших ворот. Прежде всего нужно было духов успокоить после гостей неожиданных и попросить, чтобы защитили от гостей недобрых.

Теперь можно было заняться ребёнком.

Гобо знала, что лечить она может ненамного лучше дру-

⁶ Бейца – правый приток Быстрой (сейчас река Стеглянуха)

⁷ река Дауби – Даубихе – «Большая северная река» (кит.), сейчас р. Арсеньевка

⁸ Сэвэны – вместилища духов или сами духи в образе того или иного предмета или изображения, чаще в форме деревянной человекоподобной скульптуры

гих старых женщин. У неё было одно лишь преимущество – дух прабабки, которая была саманкой⁹, и этот дух иногда соглашался помочь. А своих духов-помощников у Гобо было всего два: рыжий хитрец Чокчи¹⁰, который каждую нору проверит, под каждой корягой отыщет, и старательный, внимательный Бохула¹¹, в каждую щелочку заглянет, под каждую чешуйку на дереве, даже внутри гнилого дерева беглой душе от него не спрятаться – расковыряет, а достанет.

А в том, что причиной болезни княжича была потеря души, Гобо не сомневалась. Испугалась детская душа страшного пламени – и улетела вон из тела, а назад пути не знает. Гобо лишь однажды приходилось лечить такое самостоятельно – возвращать душу девочке, на глазах которой медведица в малиннике разорвала мать. Два дня тогда потратила молодая ещё Гобо, отыскала-таки душу детскую, вернула телу. Но тогда саман в отъезде был, а кроме Гобо никто не взялся лечить. Замуж позже отдали девушку за знатного жениха в соседний уезд, говорят, детей нарожала, сколько с мужем хотели.

А вообще души отыскивать – саманская работа, он ещё и помощников приглашает, другое дело болезнь выгнать, это легче, под силу и знахарке.

С княжичем случай особый. Ни к чему раньше време-

⁹ Саман – шаман у многих сибирских народов

¹⁰ Чокчи – колонок (удэ)

¹¹ Бохула – большой пёстрый дятел (удэ)

ни оповещать людей, что у старухи вдруг ребёнок завёлся. Не без глаз соседи, видели, кто и куда проехал. Нужно самой попытаться, а уж если не получится, к саману на поклон идти.

День клонился к вечеру, и нужно было поспешать.

Первым делом Гобо поклонилась Солнцу и попросила помощи в предстоящем деле. Затем спустилась к речке, скинула одежду, окунулась в ледяную воду с головою – смыла старые заботы-хлопоты.

Отыскала посудину с аракой¹², открыла, понюхала, лизнула – конечно, выдохлась, но сила в напитке ещё есть. Побрызгала-угостила Небо, Землю, Восток, Запад, Юг, Север.

Кур Гобо летом не кормила – накладно, но тут пришлось пожертвовать горсть чумизы¹³, чтобы приманить чудом оставшихся в хозяйстве четырёх курочек и петуха. Петуха было жаль, но курочек жальче, они яйца несут. Петуха изловила, за труды его честные поблагодарила, обстоятельства ему объяснила, прощения попросила и перерезала горло. Кровь слила в миску, потроха вытащила, в котелок поместила. Развела огонь в очаге. Хоть и лето, но в таком деле без огня не обойтись. Поставила потроха варить, добавила в котелок горсть проса, травок, щепоть соли – как на праздник.

¹² Араки – Водка (нан.)

¹³ Чумиза – однолетнее культурное зерновое растение семейства злаков с мелкими семенами; традиционно возделывается и употребляется в пищу и на корм животным в странах Восточной Азии

Это – угощение прабабкиному духу.

Как солнце село, закрыла плотнее входной полог, занавесила окошко одеялом, зажгла жировую лампу. Приготовила чистую глиняную банку с плотной крышкой, поставила под рукой. Теперь села на колени у очага, посыпая на угли сушёную траву сикто¹⁴, стала звать духа прабабки.

– Приходи, даня¹⁵, покушай петушиных потрошков! Давно ведь не ела ты земной пищи. Специально для тебя любимого петушка зарезала. Приходи, заодно поможешь мне в важном деле. Не справлюсь я без тебя.

Добавила ещё волшебной травки сикто в очаг. Почувствовала присутствие прабабкиного духа.

– Я рада тебе, даня! Ты не бросаешь меня, всегда помогаешь. Угощайся вот. А я пока своих помощников позову.

Гобо налила кровь в две мисочки, поставила рядом с очагом.

– Чокчи, Бохула, летите ко мне! Тут вас вкусное угощение ждёт! Пообедаем и к делу приступим.

Сама Гобо искать потерянную душу не летала – боязно оставлять своё тело без души и вообще без присмотра. Это у самана две души, ему хорошо: одну по делам посылает, другая с телом постоянно. Отправила на поиски сбежавшей души Бахула и Чокчи под руководством прабабкиного духа, которому на дорожку араки плеснула. А сама стала ждать

¹⁴ Сикто – конопля (удэ)

¹⁵ Даня – бабушка (нан.)

у очага, периодически посыпая в огонь волшебную травку.

Лишь на рассвете, когда тайгу разбудил птичий гомон, брякнула крышка банки. Гобо стряхнула с себя сумрак полу-сна-полуяви, проворно прижала крышку, схватила посудину – принесли-таки блудную душу помощнички! Приоткрыла крышечку на щёлочку, всосала в себя детскую душу изо всех сил, зажала дитю нос, раскрыла рот, прижалась губами плотно и вдула душу на место!

– Живи и радуйся!

Зашевелился мальчонка, глаза раскрыл, огляделся. Гобо ему воды пополам с аракой дала попить. Промычал что-то, повернулся на бок, ручку под щёчку – и заснул.

Гобо на радостях и сама хлебнула, остатки в огонь вылила – всем духам на веселье. Петуха в угли закопала вместе с перьями – всё духам-помощникам и всем, кто помощь оказывал!

А ведь сама себе не верила, что получится...

Глава 3. Спасительные «Небесные цветы»

Гобо смотрела на спящего мальчика, и давно потухшее тепло стало подниматься в груди. Она вдруг заметила, что улыбается.

– Обрадовалась, старая? – обругала сама себя. – А приедут чужаки, да вдруг кидани¹⁶ лютые, спросят, что за принц у тебя в лачуге? Мигом голову отделят, и разбираться не станут. За твою-то жизнь глиняного горшка никто не даст, а ребёнка погубишь, дура старая!

Она осторожно, чтобы не разбудить, сняла с мальчика всю одежду, залюбовалась роскошным шёлковым халатиком с золотым шитьём. Но некогда. Завернула вещи в старую рогожу, отнесла в курятник, засунула под гнездо, гнилой соломой с навозом забросала.

Отыскала Гобо в своих запасах кусок полотна из простой крапивной ткани. Рассмотрела на свет кривые поперечные нити – по дуге все уложены. Вспомнилось: муж на войну ушёл, тосковала, ткала для него, всё мечтала: вернётся по-

¹⁶ Кидани (китаи) – кочевые монгольские племена, в древности населявшие территории современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии. С 907 по 1125 год существовало киданьское государство Ляо, победившее в 926 году государство Бохай и присоединившее его территорию. Описанные события происходят именно в момент падения Бохая

бедитель, сошьёт ему красивый халат, ворот родовыми узорами вышьет... А как мучилась с кривым ровнялом¹⁷, ведь так просила мужа: «Сделай новое!». Некогда ему было. Да и то, сложная это работа: столько тонких драбочек меж двух палок закрепить на равном расстоянии. Да и древесину нужно подобрать не какую попало, да высушить, да наколоть, да обточить, да отшлифовать до блеска, чтобы нити не цепляло. Всё обещал, обещал... и ушёл. Так и пролежало полотно, думала, себе новый халат пошить, придётся в старом ещё походить. Если и вправду князь расплатится хорошо за мальчишку, тогда можно и покупной ткани купить, может, даже шёлковой.

Приготовила нитки, иглу, ножницы, разложила полотно. Подумалось, что надо бы с готового халата выкройку скопировать. «Да что ж я, троих детей вырастила, мальчишке халат не сошью?» Нарисовала угольком на глазок выкройку так, чтобы поменьше шитья было, вырезала и принялась шить, усевшись на порог, где посветлее.

Шитьё успокаивает. Но мысли Гобо постоянно возвращались к вчерашнему разговору с князем. По привычке шептала сама себе:

– Допекло, значит, тебя? Понял теперь, как людей обижать? Была твоя сила, что творил? И то хорошо, осознал, что

¹⁷ Ровняло – Бёрдо – принадлежность ткацкого станка – специальный длинный частый гребень для уплотнения и подравнивания поперечной нити при ткани полотна

зло злом возвращается, а загладить несправедливость содеянную прощением от обиженного можно. Но поздно, князь, поздно ты опомнился – некому тебя теперь простить. Попросишь у него прощения в другом мире. А сейчас терзайся совестью, бойся, что настигнет тебя зло, спасайся, убегай... и пусть твои духи оберегут тебя от гибели!

Шила, а мысли всё бежали, бежали и убежали в молодость.

Пошли тогда с сёстрами и с подружками за грибами. Весело было, выдумывали всякие небылицы про женихов, рассказывали, кто что про это слышал. Домой вернулись усталые, потные, в паутине, а тут люди чужие, да с живым гусем – сваты! Ой, да к кому же? Думала про сестру, а оказалось – её приехали сватать! Ах, испугалась! Ох, не хотела! Она тогда на соседского Кямпо¹⁸ посматривала, и он тоже заигрывал, но ничего у них не было, только в мыслях...

А родители гуся приняли, гостей угощать-привечать стали. Ей отец сказал нести своё рукоделие. Мать с нею пошла, сказала надеть новый повседневный халат с цветными аппликациями и всё остальное чистое (одежду свадебную сватам видеть не положено – сговорятся, так на свадьбе увидят). Принесли гостям на показ полотно крапивное с узорами вытканными, да полотно конопляное отбелённое, кожи, выделанные до мягкости, туески берестяные с прорезными узорами, посуду глиняную обожжённую (отец обжигать помо-

¹⁸ Кямпо – колючий (удэ)

гал), корзиночки под разные продукты, да чего только не делала тогда, спасибо матери – всему нужному научила. Гости каждую вещь рассматривали, щупали, хвалили. А она радовалась, но виду не показывала. Мать сказала лепёшки готовить. Бросилась скорее очаг разжигать, муку замешивать с ягодой и мёдом. Подгорели тогда лепёшки – волновалась шибко. Однако гости нахваливали, приговаривали улыбаясь, мол, невеста с горчинкой – не пресная, самостоятельной хозяйкой будет и мужу скучать не даст.

Через месяц приехали уже с женихом. Боялась взглянуть на него – вдруг некрасивый. Нет, хорош собой оказался Гаямэ, понравился. Три дня свадьбу играли дома, после попрощалась с родными и поехали на родину мужа, там тоже свадьба была. Верхом ехали, тоже три дня. Устала тогда, но радостно всё было, весело, обнимались всю ночь с мужем в пологе у костра...

Стук копыт на каменной дороге прервал размышления Гобо. Испугалась, бросилась к воротам, потоптала в пыли детский халатик, развесила на косых воротах, да так, чтобы незаметно было, что не дошит. Тут и всадники появились – не наши! Страшные! Гобо никогда кидани лицами не нравились, но она видела только киданей-рабов, да однажды охранников на соляных промыслах, а эти в военной одежде, с пиками и луками – звери!

Переборола Гобо страх, бросилась навстречу, вцепилась главному в стремя.

– Добрый господин, не оставь без помощи, позволь лекарю вылечить ребёнка!

Замахнулся на старуху воин, но не ударил.

– Нет у меня лекаря. Скажи, да не вздумай врать, проезжал тут ваш князь с семьёй и отрядом?

«И захочешь соврать, так без пользы», – подумала Гобо, глядя как передний всадник свесился с лошади, рассматривает в грязи свежие конские следы.

– Проезжали, господин. Туда поехали, – махнула рукой. – Не дали мне лекарства. Господин, помоги, умрёт дитё.

Один из всадников указал на одежду на заборе.

– Эй, чем болеет твой ребёнок? Правду говори!

– Не сердись, добрый господин, кажется, у него Небесные Цветы¹⁹, – Гобо показала пальцем точки на своём лице. – Без лекарства, боюсь, умрёт...

– Пошла вон, дура! – командир толкнул Гобо ногой и с места погнал коня, отряд двинулся за командиром, объезжая подальше старуху.

Гобо с криком поднялась, рассекла ладонями воздух вслед уехавшим:

– Пусть вам дорога поперёк встанет! Однако обманула глупые киданьские головы старая Гобо!

¹⁹ «Небесные Цветы» – оспа, страшное заразное заболевание

Глава 4. Сказка о волшебной крупорушке²⁰

Гобо вытряхнула детский халатик и двинулась к дому. И тут на пороге появился голый мальчик и, протирая кулачками глаза, пустил струю.

Гобо замерла, дождалась, пока он закончит важное дело, как можно ласковее сказала:

– Ну вот, проснулся молодец! Пойдём-ка в дом, тут тебе опасно.

– Ты кто? – насупившись спросил мальчик.

Гобо подхватила его на руки и внесла в дом.

– Как ты смеешь! Я сын князя Яэси Нэнгу²¹!

– Ах, простите меня, господин! Не заметила по вашим одеждам вашего благородства! А где же ваши слуги и охрана?

Мальчик оглядел себя и смутился.

– Отдай мою одежду и позови людей, пусть отвезут меня к отцу и матери.

– Вот что, сердитый командир, полезай-ка под тёплое одеяло и послушай, что я тебе расскажу, – Гобо почти насильно укрыла мальчишку. – Слушай теперь. Может ты и вправду

²⁰ «Сказка о волшебной крупорушке» – по сюжету корейской сказки «Чудесная крупорушка»

²¹ Яэси Нэнгу – Нэнгу из рода Яэси – рогатый (удэ)

сын князя или даже самого правителя Бохая, а только прихожу я вчера из лесу, а ты вот так лежишь тут на моей лежанке полумёртвый, почти и не дышишь. Спасибо духам, душу твоему телу вернули. А кто тут тебя оставил, зачем – не ведаю.

Мальчик помолчал, обдумывая услышанное, но не заплакал, испуга не проявил.

– Дай мне что-нибудь надеть, я пойду искать.

– А вот, я как раз халат новый для тебя дошиваю. Думала, успею, а ты раньше проснулся.

Посмотрел исподлобья, отвернулся.

– Я такое не надену!

– Вот я дура, материю зря испортила! Ну, что ж, иди голый. Только если ты действительно княжий сын, хочу тебе сказать: сейчас проезжал отряд киданьский, про князя и семью его спрашивали, и видно, что недоброе они затеяли, – Гобо сделала паузу, чтобы до мальчика дошло сказанное. – Может, всё-таки, примеришь халатик, не ходить же тебе и вправду голым. Да и поесть не лишним будет перед дорогой, верно?

Мальчик кивнул и забрался под одеяло с головой.

Гобо дошила последнюю строчку. Обрезки свернула в жгут, прошила вдоль – получился пояс.

– Ну вот, готова одежда. Халат годится на любой случай – хоть в лес, хоть в гости, хоть спать. Давай, меряй, – одела мальчишку, подпоясала, – Сразу видно, мужчина! Ну, нра-

вится?

Поёжился:

– Колется...

– А ничего, обомнётся на теле, да и тело привыкнет, потерпи немного. Теперь давай займёмся едой. Хочешь есть?

– Давай.

– Ага! Прежде чем давать, приготовить надо.

– Так готовь.

– А прежде чем готовить, нужно найти, из чего готовить.

Вот мы сейчас посмотрим, сколько у нас чумизы осталось...

– Я не люблю чумизу.

– Э-э, ты не пробовал мою чумизу! Такую никто не готовит. Попробуешь, тогда скажешь, любишь или не любишь.

Гобо вышла во двор, глянула на небо – низкие серые тучи плывут со стороны моря, зябко. Лучше уж в доме готовить, да и мальчишке теплее будет. Она набрала охапку дров, вернулась к очагу. Высекла искру на трут, раздула – вот и огонь! Сказала пламени несколько добрых слов, попросила тепла для готовки и не проказничать, чтобы беды не натворил. Подвесила котелок с водой, насыпала две горсти чумизного пшена.

– Теперь ждать будем, пока сварится.

– Долго ли ждать? Уже и вправду есть захотелось. У нас дома всегда готовая пища была.

– Она разве по волшебству появлялась?

– Не знаю. Я есть хочу.

– Я думаю, у вас в доме была волшебная крупорушка.

– Волшебная крупорушка? Я не видел. А что это?

– Ты, наверно, просто не знал о ней, она у очага, где еду готовят, стояла. Когда захотят есть, ей скажут, она и подаст сразу готовое.

– Ты правду говоришь? Я не слышал никогда ни о какой крупорушке.

– Ну, как у вас в доме было, мне неизвестно, а вот я тебе расскажу о той крупорушке, о которой знаю, хочешь? Вот слушай.

Жил в одном селе бедняк по имени Чунги²², и было у него девять детей. Волон у него не было, земли мало было, вот он и работал у своего старшего брата, которого звали Баяну²³. Богат был Баяну, все соседи на него работали. И сколько ни трудились, а всегда в долгу оставались – так уж умел считать хитрый Баяну.

Вот посреди зимы закончилась еда в доме у Чунги. Дети плачут, есть хотят. Делать нечего, пошёл Чунги к брату. Холодно, ветер, чуть не замёрз, пока добрался по сугробам. Изложил брату просьбу:

– Брат, дай хоть немного зерна, племянники твои голодают.

– Дам тебе полмешка чумизы, – говорит Баяну, – но в долг. С урожая летом в три раза больше вернёшь.

²² Чунги – некрасивый (удэ)

²³ Баяну – богатый (удэ)

Нечего делать бедняку, взял он полмешка чумизы и поплёлся обратно. Идёт против ветра, лицо от мороза и снега прикрывает, думает: «Накормлю детей, до лета доживём, а там пусть будет что будет, как-нибудь с долгом рассчитаюсь, а если не смогу, придётся в рабство продаваться». Тут смотрит, сидит в сугробе старичок. Сидит и плачет.

– Что случилось, дедушка? Чем тебе помочь?

– Беда у меня. Один я с внуком остался, и кончилась у нас еда. А продать нечего. Взял я крупорушку, пошёл к богачу Баяну, попросил взамен хоть немного зерна дать. А он говорит: «Не нужна твоя крупорушка, золото мне нужно. Был бы ты моложе, взял бы тебя в рабы, а такой ты мне тоже ни к чему». И выгнал меня. Как мне теперь к внуку без еды возвращаться?

Бедняк бедняка всегда понимает. Взял Чунги у деда мешок, отсыпал половину своей чумизы.

– Иди домой, дедушка, корми своего внука, и сам будь здоров.

Обрадовался дедушка неожиданному счастью, говорит:

– Спас ты меня от беды, добрый человек! Возьми в благодарность мою крупорушку, она тебе пригодится.

Не нужна была бедняку вторая крупорушка – ему и своей молоть нечего. Но не стал обижать старика, поблагодарил, и на том расстались.

Пришёл домой, жене чумизу отдал, та сразу варить полный котёл поставила, чтобы всех детей накормить. Посмот-

рела в мешок – немного же в нём осталось, как до весны жить? Увидала крупорушку, спрашивает мужа:

– А это зачем принёс, что молоть собрался?

Муж ей всё честно и рассказал:

– Не мог же я не поделиться со стариком, у него внук без еды умирает...

– Ты правильно поступил, – говорит жена. – Помогать людям надо. Вот если бы в этой крупорушке хоть немного зерна от прошлого помолы осталось, риса, например, – и покрутила ручку.

И тут крупорушка сама завертелась, зашумела, и посыпался из неё молотый рис, да такой белый, такой чистый, какого в этом доме никогда и не видели. Сыплется и сыплется, уже на полу сугроб из риса. Опомнилась умная женщина, кричит:

– Хватит нам рису, добрая крупорушка, достаточно, теперь до лета сыты будем!

Крупорушка и остановилась. Вот веселье в той семье случилось, какого никогда и не было! Тем временем чумиза сварилась. Сели есть, а жена второй котелок на огонь – рис варить. Ну, наелись, насмеялись, стали думать, почему такое случилось. Тут старший сын говорит:

– Наверно, тот старик – великий саман, он отца так отблагодарил за доброту. Значит, эта крупорушка тоже колдовская, и она должна уметь не только рис делать.

Подошёл старший сын, покрутил рукоятку и говорит:

– Дай, уважаемая крупорушка, шёлковые халаты отцу и матери!

Загудела, закрутилась крупорушка и выпали из неё халаты, да такие красивые, каких даже у богатого Баяну не было.

Стали они тогда все нужные вещи крупорушке заказывать. А когда получили всё, что хотели, – а бедному человеку много не нужно, – тогда послали старших детей звать всех соседей, а потом и других жителей села, чтобы шли с мешками, набирать всего, в чём нужда имеется. Вот это был праздник в селе – ведь люди и араки заказали, и жареных баранов.

Вот такая история. Ну-ка, я попробую, сварилась ли наша чумиза? Ещё немного пусть покипит.

– Я жареной баранины хочу, – сказал мальчик и проглотил слюну.

– Для баранины нам нужна волшебная крупорушка. Где же её взять, эту баранину? А дальше-то знаешь, что случилось? Пришёл на общий праздник сам богач Баяну, выпил со всеми за доброту брата Чунги и стал выпытывать, откуда взялись такие богатства. Чунги ему и рассказал, что волшебная крупорушка всё это делает.

Порадовался со всеми Баяну, а сам зло затаил. Думает: «Если так пойдёт, кто захочет на меня работать? Откуда мои богатства прирастать станут? Это надо прекратить обязательно».

Дождался Баяну ночи, когда все радостные сельчане спать улеглись, прокрался в дом счастливого Чунги, да и украл

крупурушку. Принёс домой, залез в подвал, где свои драгоценности хранил, закрылся, поставил крупурушку на полку, крутанул ручку и говорит:

– Насыпь мне дорогих вещей!

Завертелась, загудела крупурушка, и посыпались из неё новенькие украшения из золота и серебра. Вот обрадовался Баяну – пляшет! Потом уж и плясать негде стало, добра по колёно навалило. Хохочет счастливый богач! Кричит:

– Ещё сыпь, ещё драгоценностей!

Уже ему по пояс, потом по грудь сугроб из вещей блестящих. Тут уж не до смеха, дышать трудно стало. Понял, Баяну, что многовато богатства попросил, а как остановить крупурушку не знает. Стал на помощь звать. Да куда там, кто его из подвала услышит, когда всё село спит сладким сном. Так и утонул в золоте Баяну. Жадность его сгубила.

А вот и чумиза наша сварилась.

– Давай скорее, я уже терпеть не могу!

– Ещё немного погоди, вот я туда сушёной икры разомну, да всё это размешаю. На-ка вот ложку, да не обожгись. Вкусная чумиза?

– Угу!

– Вот то-то, а ты говорил «не люблю чумизу». Давай-ка и я с тобой поем, я ведь тоже два дня без крошки во рту.

Глава 5. Искусство притворяться

Гобо после бессонных ночей и тревог, а мальчик после болезни, поев жидкой чумизной каши, заснули крепким сном так, что проснулись лишь следующим утром.

Снова неслись низкие облака от моря, снова было сыро и ветрено. Мальчик с утра запросил есть.

– Ты же уже знаешь, что колдовской крупорушки у нас с тобой нет. Поэтому для нас действует правило всех зверей.

– Как это, зверей?

– А так. Вот скажи, что делает кошка, когда есть хочет?

– Просит у хозяев.

– А если кошка без хозяев, сама живёт?

– Ну, она пойдёт, мышь поймает.

– Вот! Прежде чем поест, она еду поймает!

– А что делают птицы, рыбы, да вообще все живые, когда есть хотят?

– Они ищут, ловят...

– Ты верно рассуждаешь, малыш...

– Не называй меня малышом! Я не малыш!

– А и правда, малыши так умно не рассуждают. Так вот, для всех зверей и для бедных людей, у которых нет запасов, действует правило: не поймаешь – не поешь. И нам, чтобы поест, нужно пищу добыть. У меня в реке ловушки. Пойдём, проверим и, если рыба поймалась, тогда поедим.

– А если не поймалась?

– Тогда будем ещё что-то искать, а что же делать?

Они вышли, и Гобо сразу поняла, что мальчик босиком никогда не ходил. Он ступал по влажной траве, будто по колючкам, ёжился, кутался в халат.

– Нет, дружок, давай я одна схожу. А если рыба поймалась, тогда поедим, и я стану шить тебе обувь. Посиди пока дома, ладно?

– Ладно. Не называй меня «дружок».

– А как тебя называть?

– Никак.

– Ладно, иди, лезь под одеяло. Приду, огонь разведу. Жди, я недолго.

Пробираясь в высокой траве и ивняках к старице, где в потайном месте стояли ловушки, Гобо бормотала:

– А ведь правильно малец обучен – два дня со мной, а имя своё не называет. И упрям, своенравен – в отца. Вышел бы в большие начальники, если бы Бохай устоял. А теперь куда ему? С излишней заносчивостью среди врагов пропасть легко.

Она специально не протаптывала тропу и старалась каждый раз ходить новым путём, чтобы чужие ловушек не нашли – не только рыбу заберут, а и ловушки утащат. Такие теперь времена – нет хозяина, нет наказания – и нет порядка. Ну вот она, толстая, наклонившаяся стволом в воду ива, а под ней плетёные из прутьев ловушки. В одной распарен-

ная соя в тряпочке на приманку; из неё Гобо вытащила хорошего сазана, двух карасей и с десяток гольянов – отличный улов! В другой ловушке поменьше приманкой тухлая рыба голова от прошлой рыбалки, там десятка полтора раков.

Задача добыть еды была решена сразу на два дня, и Гобо это вполне устраивало. Рыбу, кроме гольянов, она тут же у реки и почистила, кишки-голова в рачью ловушку бросила. Реку поблагодарила, ловушки на место утопила, и довольная домой пошла.

Мальчик сидел на пороге, укутавшись в одеяло.

– Что ты здесь?

– Мне скучно. Когда за мной мать с отцом приедут?

– Пошли-ка в тепло, огонь разведём, там поговорим. У огня и мысли веселее, правда? Смотри-ка, какой улов! Ты раков ел?

– Ел. Я мяса хочу.

– Э-э, ты не пробовал мою рыбу! Все, кто пробовал мою варёную рыбу, потом мяса не хотят. Давай-ка огонь прежде всего добудем. Теперь я рыбке косточки ножом посеку, чтобы нам не уколоться. Вот так, вот так ей бочки посеку. Да порежу кусками, вот так, да присолю чуть. А теперь вода закипит – и туда её. Эх, к такой рыбе да жидкой чумизной каши или лепёшек! Но мы с тобой по-другому сделаем, мы её с луком есть станем – так ещё вкуснее. Пусть пока варится, а ты смотри за огнём, ладно? Я схожу лука нарву, тут у меня рядом с домом целая поляна самого вкусного лука! По-

дождёшь меня?

Кивнул. Уставился в огонь. «Ладно, мне с ним не жить. Дождаться бы князя, чтобы забрал, да, может, награду дал».

Срывая лучок помоложе, Гобо прикидывала, чего и сколько можно попросить, если князь вдруг скажет: «Мать, ты спасла моего сына! Проси, чего пожелаешь – всё для тебя сделаю!». И тут услышала фыркание лошадей и стук копыт – ехали сверху, оттуда, куда вчера ушла погоня. Гобо присела, притаилась за кустом.

По дороге медленно ехали усталые кидани. Гобо узнала командира с перевязанной рукой (так ему и надо!) А что это болтается у седла за седоком? Ба!.. Гобо зажала себе рот, чтобы не закричать – это висит подвешенная за косу голова молодого князя! Догнали-таки! За командиром проехали ещё трое, потом одетый побогаче, наверно командирский помощник, и у него тоже висела голова – женская... «Во дворце жить станешь, на золоте есть, только сохрани сына!» – вспомнились последние слова княжны. Вот и некому теперь оплатить спасение княжьего сыночка... Гобо сидела на земле бледная и руки поднять не могла – смерть проехала мимо и изменила всю её жизнь.

Гобо вернулась в жилище. Наверно, вид у неё был ужасен, потому что мальчик поднялся у очага и попятился.

– Что с тобой, даня?

И это «даня» вернуло Гобо к жизни. Никто её так и не называл ни разу. Сыновья детей завести не успели, а дочь да-

леко, её дети мать мужа даней зовут...

– Ничего, всё хорошо, голова что-то закружилась, наклонившись лук рвала, вот и закружилась. Пройдёт сейчас. Ну, как там наша рыбка? Сварилась! Давай тогда обедать.

Гобо накормила ребёнка. Самой кусок в горло не лез. Была бы одна, легла бы на лежанку, укрылась потеплей, да выспалась мёртвым сном. А теперь она просто не знала, что делать. С мужем бы посоветоваться, он бы придумал...

Гобо надеялась, что мальчик насытившись захочет спать, но тот напротив, стал веселее, пошёл по дому рассматривать вещи. Потом выглянул наружу.

– Я хочу гулять. Я смогу босиком.

– Хорошо. Пойдём вместе. Хочу спросить тебя, знаешь ли ты, как всякие звери от врагов спасаются?

– Конечно, они кусаются, царапаются.

– Есть такие. А у кого нет зубов, или слабые они?

– Ну, такие убегают или прячутся. Вон, птица нас испугалась, улетела в кусты. Ты думаешь я такой маленький и глупый, что этого не знаю?

– Нет, что ты, я наоборот уверена, что ты намного умнее своих ровесников. Просто мысли бегут в старой голове и на язык выскакивают. Вот ещё одна: а что же делать тем, кто кусаться, убежать и прятаться не может?

– Такие в землю закапываются, как червяки.

– Ну, эти тоже прячутся, получается. А вот, смотри, кто это?

– Где?

– Да вот. Вот, на старые листья смотри. Ну? Подойди тихонько ближе...

– А! Лягушка маленькая, – мальчишка засмеялся, впервые!

– Почему ты её не видел?

– А она такая же, как листья.

– Давай ещё поищем, кто так хитрит. Вот смотри на дерево, вот сюда, на кору. Кто это?

– Бабочка! – Он потрогал пальцем, даже погладил легонько. – Да она дохлая.

Серенькая бабочка вдруг стремительно взлетела и села неподалёку снова слившись с серой корой.

– Понял, как она нас обманула? Мы-то думали, что это кора, потом думали, что она мёртвая, а она очень даже живая и смеётся над нами. Ноги-то у тебя замёрзли? Пойдем домой, я тебе обувку ладить стану.

Гобо отыскала заготовленную прошлой осенью кожу кеты – берегла себе на обувь...

– Иди-ка сюда, поставь ногу, нарисуем твой размер. Так, теперь нарисуем, как вырезать правильно. Ну, вот, будут тебе унгта²⁴ как у настоящего охотника!

Гобо шила кожу плоской иглой и всё думала, что же те-

²⁴ Унгта (удэ) – обувь, состоящая из поршней вроде туфлей с задраным носком и отдельно верха, надеваемого на икры и приматываемого к ноге шнурком, прикреплённым к пятке поршня

перь делать?

– Иди-ка, примерь поршенёк. Ну вот, сухой травки проложим, будет в самый раз, правда?

– У меня красивые были, из кожи, с бубенчиками.

– Ну зачем тебе бубенчики, ты же не маленький. Ты видел, чтобы мужчины с бубенцами ходили, да ещё на охоту? Я же тебе как взрослому обувь делаю. Пробуй второй. Хорошо? Ну и ладно, обут ты теперь. Ещё штаны сошьём и будешь полностью одет, верно? Подложи-ка в огонь немного дров.

Мальчик послушно принялся подкладывать палки в очаг, но заметно было, что нечасто он таким делом занимался. Оно и понятно – слуги, няньки, повара – всё у него было... а не стало ничего.

– Так вот, друг мой, хочу я тебе сказать, ведь никто не знает, сколько нам с тобой вдвоём жить придётся. Может, завтра тебя заберут, а вдруг всё лето прождём, так ведь?

– Отец скоро приедет, я знаю. Он меня любит!

– Да кто же сомневается, что любит. Только времена-то какие – враги пришли. Отцу твоему победить их надо, да семью спасти. А ты у меня тут, худо-бедно, проживёшь. Только что нам делать, если на нас нападут?

– Отбиваться!

– Нечем нам, дружок, отбиваться – нет у нас ни лука, ни пики, ни клыков чтобы кусаться, ни крыльев чтобы улететь от врагов.

– А что же нам делать?

– А что делает та бабочка или та лягушка малая беззащитная?

– Они притворяются! Бабочка – будто кусочек коры, лягушка – как листик.

– Так давай и мы притворимся.

– А кем мы притворимся?

– Давай притворимся, что ты мой внук, а я твоя бабушка. Придут враги, а тут бабушка с внуком живут, никого не трогают. Они и проедут мимо. Ты согласен?

– Это же не навсегда?

– Конечно. Нам нужно притворное имя тебе выбрать. Давай, ты, например, будешь Киинчи²⁵ или другой птицей назовись, какая тебе нравится.

– Не хочу птицей. Я знаю – я буду Мангули²⁶!

– Прекрасное имя для настоящего мужчины! Значит, ты будешь Мангули из рода Тохто²⁷.

– Почему Тохто? Мой род другой.

– Если ты мой внук, значит, род у нас с тобой одинаковый.

А меня-то здесь все знают. Скажем, что ты внук моего деверя²⁸, твои родители в городе Янь²⁹ живут. Прислали тебя ко мне, пока мать твоя болеет. Хорошо?

²⁵ Киинчи – Чайка (нан.)

²⁶ Мангули – сильный (удэ)

²⁷ Тохто – дятел зелёный (удэ)

²⁸ Деверь – брат мужа

²⁹ Город Янь – Город Соли

Подумал. Кивнул.

– Ну, и как тебя зовут?

– Я Мангули из рода Тохто.

– Молодец, Мангули! А настоящее своё имя никому никогда не говори. Это тайна! Вот я люблю, когда мужчины умные! Теперь знаешь что, Мангули, возьми вон там острую палочку, видишь? На полке в миске гольяны лежат посоленные, возьми одного, надень на палочку и держи над очагом. Как раз уголья подходящие. Пожарится, зашипит хорошенько, тогда есть можно.

– Я умею. Мы с отцом жарили.

Через короткое время Мангули протянул Гобо палочку с обгорелой рыбкой:

– Даня, это тебе. Ты же мало ела. Я себе ещё пожарю.

Глава 6. Дед Гогсига

Несколько дней провозилась Гобо с мальчиком. Пошила ему штаны, накидку на голову от комаров, сделала из запасённой весной бересты шапочку от дождя и жаркого солнца – поверх накидки надевать. Постоянно нужно было думать, чем накормить непривычного к простой пище ребёнка. Но самое главное, его нельзя было оставить даже на короткое время – он начинал грустить, а иногда Гобо замечала и слёзы, от которых сердце сжималось как за своего. Нужно было постоянно придумывать ему развлечения, рассказывать сказки. А тем временем огород зарос сорняками так, что и посевы не видно стало. В таких случаях хорошо посоветоваться с мужчиной.

– Пойдём-ка, пиктэрэн³⁰, сходим в гости.

– К кому в гости?

– К твоему деду.

– К моему деду? Отец говорил, он в Восточной столице живёт.

– Мы же договорились, что ты теперь не тот, кто был – не лягушка, а листик. Помнишь? По новому твоему имени выходит, что твой дед – это мой деверь. Это у него сын с семьёй в Янь-городе проживает. Вот этот дед тут недалеко и живёт по соседству. Понял? Одевайся, пойдём, пока до-

³⁰ Пиктэрэн – внук (нан.)

жды нет.

Они вышли за ворота и пошли по каменистой конной дороге в сторону села. Дом Гобо стоял на отшибе и был самым крайним в поселении – так муж захотел когда-то ещё в молодости. Они с братом вместе выбирали себе участки подальше от людей, поближе к реке и тайге. Хотя, и река была всем селянам легко доступна, и тайга была везде на окрестных сопках и в распадках, но вот хотелось им жить не среди других подворий. И даже друг от друга они построились в расстоянии шагов в пятьсот.

Гобо взяла Мангули за руку, но он вырвал ладонь.

– Я сам!

– Конечно, ты уже большой, иди сам.

Но через короткое время ребёнок стал уставать:

– Скоро придём?

– Скоро. Тут недалеко совсем. Устал?

– У тебя дорога плохая.

– А может, у тебя ноги не такие?

– Как это не такие ноги?

– А как в той сказке про лося и лису, знаешь?

– Нет. А что, у лося с лисой ноги не такие?

– Да. Они рядом жили в лесу, повстречались однажды, стали говорить о том, о сём. Лось и пожалулся: «Так мне неудобно с длинными ногами: охотник за мной погонится, а мне ни спрятаться – видно отовсюду, ни убежать – рога за ветки цепляются». Лиса говорит: «А у меня другая беда:

охотник ко мне приближается, а мне и не видно из травы – ноги коротки». Лось говорит: «А давай, лиса, поменяемся ногами!» «Хорошая мысль, – отвечает лисичка, – давай!» И они поменялись.

Вот лиса на высоких ногах вышагивает, по сторонам поглядывает – далеко видать, охотник теперь близко никак не подойдёт. Посмотрела, нет в селе людей, подкралась к курятнику, а в куриный лаз влезть не может – ноги не вменяются. Пошла тогда в луга, хоть мышку поймать, выследила, прыгнула, а копыта – не когти, мышшь не держат. Голодна осталась. Пока мышшь ловила, а тут и охотник рядом, вот здесь ноги лосиные ейгодились – поскакала, только кусты трещат, к своей норе, сунулась носом, а ноги в нору не проходят. Так и пришлось бедной лисе бегать по лесу без остановки голодной.

А лось довольный, на коротких ножках бесшумно по кустам передвигается, никто его не замечает. Только устают эти мягкие лисьи лапки. Лось пройдёт немного и отдыхает. Есть ему захотелось. Потянулся за молодыми ветками – а не достать, коротки ножки-то!

Тут слышит лось, кусты трещат, бежит кто-то со страшным топотом прямо на него. Упал лось в траву, затаился – а как ещё на лисьих лапках лосю спастись? Смотрит, бежит на лосиных ногах лисица, из сил выбилась. Кричит лиса издалека ещё: «Лосик, дорогой, давай скорее лапами меняться, а то пропадём!» Поменялись они быстренько ногами, и уже

каждый со своей сноровкой от охотников скрылись, наелись досыта каждый своей любимой пищей, и отдохнули каждый в своём любимом месте: лиса в норе, а лось в болоте. И уже никогда больше не помышляли ногами меняться³¹.

А мы с тобой уже и дошли, словно на лосиных ногах.

– Здесь мой новый дед живёт?

– Да. Вон он под навесом ладит что-то. А ты подойди тихонько сзади и скажи: «Духи тебе в помощь, мапа³² Гогсига³³!»

Малыш подкрался к мужчине, и звонко прокричал, словно глухому:

– Духи тебе в помощь, мапа Гогсига!

От неожиданности Гогсига выронил молоток, резко обернулся, и Гобо ойкнула:

– Ай, дура старая, напугается мальчишка, снова душа сбежит...

Она совсем выпустила из виду, как страшен её деверь – после войны у него не было одной стороны лица. А Гогсига тоже привык к своему лицу, он ведь себя нечасто видел. Обернулся, удивился мальчику, схватил его на руки и принялся рассматривать одним глазом, считая, что действительно приехал его сын из Янь-города с детьми и сейчас выйдет

³¹ Сказка про лося и лису – по мотивам удэгейской сказки «Как звери ногами менялись»

³² Мапа – дед, дедушка (нан.)

³³ Гогсига – филин (удэ) – брат мужа Гобо

из-за кустов, чтобы обнять отца после долгой разлуки, а сынишку вперёд послал. Только вот возрастом мальчик маловат что-то или уже со счёта сбился старый Гогсига?

– Как зовут? – прохрипел он, сверля глазом. – Ну, отвечай, как тебя зовут?

– Поставь! – чётко приказал малец. – Поставь меня на землю!

Оторопевший Гогсига опустил ребёнка.

– Меня зовут Тохто Мангули. Я – твой внук!

– Гогсига, не пугай ребёнка! – крикнула, подбегая, запыхавшаяся Гобо. – Ну, как ты, пиктэрэн? Испугался? Не бойся, он хороший человек...

– Я не боюсь! Чего мне родного деда бояться? – ответил слегка побледневший мальчик.

– Ай молодец, Мангули, ай умница! Как же я тебя люблю! – обняла его Гобо. – Вот, Гогсига, внука тебе привела, давно вы не виделись, забыли друг друга. Ты уж будь с ним ласков. Скажи людям, чтобы показали ему твою живность, да на лошади покатали, а мы с тобой поболтаем в тенёчке, хорошо?

Растерянный деверь лишних вопросов задавать не стал, крикнул раба:

– Эй, Энлэй³⁴, поди сюда. Возьми моего внука, покажи ему наше подворье, покатай на лошади по двору. Да скажи

³⁴ Энлэй – польза (кит.)

Кингжао³⁵, пусть угощение приготовит быстро – дорогие гости у меня!

– Вот это и все мои люди теперь. Только ханьцы и остались, может потому и не ушли, что живут вместе как муж и жена. А я непротив, лишь бы работали, – сказал Гогсига, усадив Гобо под навесом и усевшись сам напротив. – А остальные все разбежались, вот так-то. Хорошо самого не убили и постройки не спалили. Слыхала, у четверых дома погорели, а Бумбу³⁶ нашли за рекой с пробитой головой.

– Живой?

– Куда там...

– Помню Бумбу. Однако говорили, жесток он к рабам был. Ты не такой.

– Ладно, живы пока, духи нас хранят. Ну, давай, рассказывай мне про моего внука.

– Он тоже из погорельцев. Это сын князя Яэси Нэнгу. Убили его кидани...

– Видел. Все видели. Они специально по всему селу с головами проехали. Жаль князя, не уберегли духи. Помнишь, как все его не хотели, когда его прислали крепость строить и управлять нашим уездом? Чужак столичный. А он смог и с народом поладить, и крепость выстроить, и налоги с умом собирал. А за то, что не пожелал сдаться, когда сам вели-

³⁵ Кингжао – понимающая (кит.)

³⁶ Бумбу – кремень (удэ)

кий Ай-ван³⁷ склонился перед киданьской силой, за то слава ему! У тебя, понятно, обида на него, а люди уважают. Теперь только и оценили.

– Какая теперь обида... Он как чуял, прощения просил. Вот, сыночка оставил лечить, обещал великую награду. Пришла к тебе совета просить, что делать теперь.

– А сама что думаешь?

– Пока играю с ним в притворство, выбрали ему имя, придумала, что он твой внук, ну и мой, значит. А что дальше делать не представляю.

– Хозяин, кушанье почти готово, – подошла с поклоном рабыня.

– Хорошо, Кингжао, сейчас придём. Вот что я думаю, Гобо, такой росточек от крепкого семени нужно сбересть. Чувствуется в нём порода. Может статься, придёт его время. Поэтому, верно ты всё придумала, невестушка, так и живи с ним как с внуком и ко мне приходите. Обоснуем перед людьми, что у меня жены нет, за мальцом усматривать некому, а тебе как женщине сподручнее. С пропитанием и с другими расходами помогу, на доброе дело не жалко. Потом может ещё что придумаем.

Залаяли собаки за сараями, из-за построек выскочила лошадь с маленьким седоком, Мангули натянул поводья, остановил рядом со стариками. Следом бежал испуганный раб.

³⁷ Ай-ван (личное имя Да Иньчжуань) – последний император Бохая, правил в 906 – 926 годах

– Господин, я не виноват, мальчик сам...

– Молодец, Мангули, герой, лихой наездник! Настоящий мужчина, правда, Гобо? – Гогсига придержал лошадь за узду.

– Меня отец учил! Я ещё стрелять умею. Но не всегда попадаю... Мапа, сделаешь мне лук? Я тренироваться хочу.

– Будет тебе лук, обещаю. А сейчас слезай, пойдём съедим чего-то вкусного. Моя служанка умеет вкусности готовить. Пошли.

В просторном доме расселись на кане³⁸: Гогсига занял дальше от входа место хозяина, гостей усадил слева от входа. Служанка внесла низенькие столики, поставила питьё на ягодах.

– Где же вкусная пища, Кингжао? Я сказал гостям, что ты вкусно готовишь.

– Сало дожаривается, господин. Совсем скоро будете пробовать солими³⁹.

– О, солими! Мангули, ты любишь солими?

– Конечно, мапа, солими все любят!

Пока ели, облизывая пальцы, Гогсига расспрашивал «внука»:

– Ну, что, Мангули, понравилось тебе у меня?

³⁸ Кан – горизонтальная отопительная система: дымовые каналы от очага проходят под невысоким плоским горизонтальным возвышением, на котором спят, сидят, занимаются домашними делами.

³⁹ Солими – вяленое мясо изюбра отваривают, измельчают, перемешивают с жареным салом и свежим луком или черемшой, слегка подсаливают. Солими готовят только для самых дорогих гостей (удэ)

– Да, очень! У тебя вкусная жирная пища!

– Ну, а кроме еды было что-нибудь интересное?

– Мне лошади понравились. Ещё волы – такие огромные,

и рога у них во-от такие!

– Вот работа для волов подоспеет, пошлю за тобой, вместе с ними управляться будем. Придёшь?

– Да, хочу. А ещё на лошади хочу. И лук!

– Будет, будет тебе лук. Но не быстро.

Гогсига дал указание рабу:

– Проводишь гостей до дома. Возьми там круп разных по мерке – риса, проса, гороха, муки пару мерок. И щенка принеси того, чёрного.

Принесли щенка. Гогсига привязал его на верёвку, вручил конец Мангули.

– Держи, поведёшь домой. Запас вам будет.

– Да чем я кормить его буду? – сказала Гобо.

– А ты не корми, сготовь из него вкусную похлёбку. Растущему мужчине нужна свежая кровь, да и тебе не помешает настоящее мясо.

Глава 7. Сказка о коне Мурунку⁴⁰

Утром Гобо нашла щенка, привязанного с вечера к центральному столбу жилища, в объятьях Мангули – оба сладко спали, прижавшись друг к другу.

– Вставай, пиктэрэн, солнце уже вышло из-за сопки. Сегодня жарко будет, а мне полоть надо. Вот тебе лепёшка, а я пошла на поле.

Гобо не была на огороде так давно, что сразу и не вспомнила, что где посажено. Травы на высоких грядках стояли по пояс, да и между ними тоже не пройти. Как тут одной справиться?

Огород у Гобо был прост, она сеяла только необходимое, потому что без мужа всё во много раз труднее делать, и потому что одной много ли нужно? Волон своих она отдала деверю – женщине с содержанием такой скотины не справиться. Гогсига и пахал ей по весне: поле плугом переворачивал, гряды отвалом поднимал, бороною ровнял-измельчал. Ну а сеять, полоть, урожай убирать – ей самой. Потому рис, ячмень, пшеницу, гречиху она не сеяла, капусту тоже – воды ей нужно много, поливать трудно. Всего-то было две гряды под соей и фасолью, две под просом и чумизой и ещё на двух репа, лук, чеснок. Эти каждый год местами приходится менять, чтобы урожай был. Ну ещё на поляне тыквы посадила –

⁴⁰ Мурунку – умный (нан.)

там пахать не нужно, землю с листвой перемешала, в кучки сложила в трёх шагах одна от другой, и семена в них. Растут сами, только полоть хоть пару раз в лето нужно. А такое бабловство как арбуз она не сажала – лишняя работа. Ещё было отдельное поле под коноплю. Это важное растение, без него ни мешка, ни верёвки. И верхнюю одежду без конопли из чего сшить, если шкур нет – а у Гобо откуда шкуры? А для тонкой одежды она дикую крапиву косила, её сеять не нужно, сама произрастает в изобилии. Крапива вполне лён заменяла, по крайней мере, забот меньше.

Решила Гобо начать с сои, ей без солнца совсем плохо. И пошла мотыжить междурядье лёгкой мотыжкой, заодно рыхлить землю у корней. Мотыжит и приговаривает:

– Расти, расти добрая трава, хорошей еды-воды твоим корням, тёплого света твоим листьям, полного зерна твоим стручкам. Хорошего тебе урожая! Вот соберу твои стручки, обмолочу, горошинки все до одной соберу, до весны сохраню, чтобы не сгнили, не пропали, а весной посею, чтобы род твой никогда не кончался. А за то возьму себе на еду твоих плодов, ведь ты не обидишься, верно?

– Даня, а я тебя ищу, – за спиной стоял Мангули со щенком на верёвке. – Мы к тебе пришли.

– Хорошо, помощники мне нужны, особенно такие, которые смогут полоть. Ты мне поможешь?

– Да. Только я есть хочу.

– Хороший аппетит – примета хорошего здоровья. Лепёш-

ку я тебе большую дала, теперь потерпи.

– Так я же не один ел.

– Ты что, собаку кормил? Вот это ты неверно сделал. Этот щенок нам с тобой сегодня на ужин.

– Нет!

– Что нет? Что тебе мапа Гогсига сказал – нужно есть свежее мясо, если хочешь вырасти здоровым и сильным. Если такое имя выбрал, нужно ему соответствовать.

– Нет! Это мой друг, я ему имя дал. Он со мной будет жить.

– Имя дал! Ну хоть бы меня спросил. И чем мы его кормить станем, ты подумал?

– Я попрошу мапу, чтобы сковал мне крючок. Сделаю удочку, буду для Андара⁴¹ рыбу ловить. Да!

– Ах, что же это мои духи со мною делают! Ладно, помогай тогда мне, чтобы быстрее закончить, да успеть дотемна ловушки проверить. Сможешь траву дёргать?

– Попробую.

– Пойдём на то поле, я тебе покажу. Вот, смотри: это растёт тыква. Ты ел тыкву?

– Да, у нас готовили с просом – сладкая.

– Ну вот, пока она только начала расти, а другие травы ей мешают. Их надо выдернуть вокруг, вот так. Понял? Вон там ещё другие найдёшь. А я пока сою от травы очищу.

⁴¹ Андар – друг (нан.)

Вечером ели рыбу. В ловушку снова зашёл сазан и полтора десятка гольянов. Мангули старательно недоедал мясо с костей, чтобы больше досталось щенку. Гобо только ухмылялась. «А и правда, что там того мяса с этого щеночка, а ребёнок отвлекается от воспоминаний о родителях и прежней жизни. Пожалуй, от живого собачонка пользы побольше будет».

Улеглись. Гобо с удовольствием распрямила спину на жёстком кане – наломалась за день на грядках. Мангули ворочался, что-то шептал щенку.

– Что, Мангули, устал сегодня?

– Немножко.

– Ты мне очень помог! Все тыквы прополол. Представляешь, как мы зимой тыкву печь в углях будем!

– Я коня хочу.

– Чего? Нет уж, коня нам рано заводить. Вот вырастешь, сможешь за ним сам ухаживать, сбрую шить, тогда заводи коня. Да и за что его купить?

– Я должен учиться воевать! Можно, я буду к мапе Гогсиге ходить учиться?

– Хорошо, сходим к нему, поговорим. А давай я тебе сказку про коня расскажу. Хочешь?

– Про какого коня?

– Про красивого и очень умного коня.

– Расскажи. А как звали того коня?

– Так и звали – Мурунку. Ну, вот, жили в одном селе муж

с женой и было у них трое детей – два сына и дочь. Хорошо жили, ладно. И имелись у них три лошади – две кобылы и жеребец. Дочь старшая была, её замуж выдали и уехала она с мужем в соседний улус. Сыновья подросли, отец выучил их на лошадях ездить. Всему научил: как как за лошадьми ухаживать, как седлать, как садиться, как слезать, как сбрую чинить...

– Меня отец тоже учил. Ты же видела, как я ездил, когда к мапе ходили.

– Вот, ты молодец. И отец твой молодец. Каждый отец должен сыновей учить в седле держаться, да ещё стрелять, рубить, колоть врага на полном скаку. Вот и тот, о котором я рассказываю, выучил сыновей воинскому искусству, как подобает настоящим бохайским воинам.

И тут война случилась. Приказал Ван⁴² собрать от каждой ста семей по одному воину. И выпало по жребию одному из сыновей на войну идти. Собрали его как положено. Он и просит: «Отец, дай мне на войну Мурунку, он ведь самый умный, сильный выносливый, я с ним подвиги совершу!»

Не дал отец сыну коня, пожалел красавца. Сказал на кобыле ехать, она тоже справная была и умная, только не так уж красива, как тот конь.

Уехал сын на войну, да и пропал – попала в него стрела стальная, в самое сердце. А лошадь врагам досталась. Привезли отцу с матерью только сыновью рубаху, её и похоро-

⁴² Ван – правитель государства (маньч.)

нили...

– Ну, что ты замолчала? Ты плачешь, даня?

– Нет, в глаз что-то попало ещё когда траву с грядок выбрасывала. Сейчас... Ну, вот, прошло время, снова война. Снова приказ: собрать воинов. Опять жребий кинули, и вот же как духи рассудили – снова у этой семьи мужчину на войну забирают! Ну, что же, снарядили второго сына. Сын просит: «Отец, дай коня. Я на нём трофеев добуду, домой богатства привезу». – «Нет, не дам Мурунку, – отвечает отец, – не место ему на войне под стрелами. Езжай на кобыле, эта в бою не уступит и жеребцу».

Попрощались с сыном, да и не видели его больше. От него и рубахи не привезли – говорят, изрубили его враги, а товарищам его отступить пришлось, так и сгинул второй сын.

Ну, что же делать, погоревали отец с матерью, а жить надо. Живут, трудятся, просо да коноплю сеют, жена огородом занимается, муж дрова заготавливает на зиму, да на охоту ходит, да рыбу ловит. Жена, между тем, тоже не отстаёт, ещё та рыбачка! В общем, не тужат, живут помаленьку. Даже радоваться стали иногда – просто так, оттого что живут.

Тут ни с того ни с сего приезжает уездный начальник, молодой да заносчивый, и говорит: «Ты, такой-растакой, почему налог не полностью сдал?» Муж отвечает: «Неурожай в этом году, господин. Зерном не отдал, зимой пушниной отдам с лихвой. Ты же меня знаешь, я всегда с долгами расплачиваюсь».

Но видно, нехорошее задумал начальник заранее: «Нет, не могу ждать! Коня у тебя за долги заберу». – «Не отдам! – кричит отец. – Мой коник в десятеро больше того зерна стоит!»

Куда там, налетели князевы помощнички, отца свалили, помяли малость, хорошо живым оставили. А коня увели.

Долго тогда отец болел. Не от ран, от обиды. Но поднялся – есть-то надо, а не потопаешь – не полопаешь. Снова стали жить муж с женой. Наладилось.

– Ну что ты опять молчишь, даня?

– Устала я что-то. Давай я тебе завтра доскажу.

– Нет, теперь. Ну даня, я же не засну, если конца не узнаю.

Ну доскажи!

– Ладно. Так прожили они сколько-то зим, а тут враг совсем рядом. И уже Ван издал указ всем мужчинам на войну подниматься – никому исключения нету. Тут уж и самим понятно, что всем миром надо обороняться. Снарядился отец, с матерью попрощался, а ехать-то не на ком – последнего коня князь забрал. И пошёл отец на войну пешком. А он такой всадник лихой был! Ему бы коника умного...

...Да, да, сейчас доскажу. А что досказывать тут... не вернулся отец, погиб он от вражьей конницы. И похоронить тоже было нечего. Вот такая сказка. Всё, спать теперь.

– Так ты же про коня сказку обещала, а всё про мужа да про сыновей. А где же про коня?

– А про коня тут другая история. Не только ведь муж по-

гиб, всё воинство полегло, а кто остался, те разбежались. И остался тот князь один на том самом красивом коне Мурunku. Потому и остался, что конь его вынес. Вернулся князь домой, а дома-то нет, сгорел дворец! Забрал он жену с дочкой и подался в дальние края, чтобы избежать верной смерти. Да случилось в пути несчастье – заболела дочь малая, да так, что умирать собралась. А тут как раз пришлось им мимо дома ехать, где та женщина одинокая жила, у которой два сыночка и муж на войне пропали.

И нечего делать князю, просит он женщину: «Приюти да излечи дочечку, я тебя отблагодарю, а коня тебе верну прямо сейчас».

– Значит, теперь эта женщина с любимым конём будет! И коню хорошо дома, и женщине теперь не скучно!

– Не стала она коня забирать, хоть и обижена была сильно. Как бы князь от врагов с женой скрылся, если без коня остался? Так и сказала она ему: «Тебе конь сейчас нужнее». Вот он и спасся, и жену, и коня спас, а после и дочку забрал. А женщину отблагодарил.

– Как?

– Дал семь лошадей и отрез шёлка.

– А у моего отца тоже конь красивый и умный! Его Тургэн⁴³ зовут. Отец его очень любит.

– Князю положено хорошего коня иметь.

– Я слышал, отец говорил, что Тургэна тоже за долг за-

⁴³ Тургэн – быстрый (нан.)

брал. Говорил, что тот, у кого забрал, закон о лошадях нарушил – в плуг запрягал. Разве можно коня – в плуг! Отец и забрал. Он любит своего Тургэна. Даня, а может, эта сказка о моём отце?

– Нет. Те, о которых я рассказываю, закон о лошадях не нарушали, у них волы были, на них и пахали. Эту сказку я от людей слыхала, вот вспомнилась к случаю. Ну, давай спать.

Глава 8. Сказка о справедливости

– Андар, ко мне! Андар, на, на! Даня, смотри, он понимает!

– «На» все понимают. Вот «Дай» не все научаются понимать.

– Как это?

– А так. Когда предлагают взять, мало кто откажется, а когда просят отдать что-нибудь, не каждый со своим захочет расстаться. Вот ты отдашь своего щенка?

– Нет! Ну, тебе отдам, если ты захочешь.

– Я знаю, ты добрый. Вот взял, щенку имя дал – и спас собачонка.

– Почему спас?

– Потому что, у кого имя есть, к тому другое отношение. Поэтому у врагов имя не спрашивают, чтобы убить можно было, не раздумывая.

– У лошадей есть имена, правда, даня?

– Конечно, лошадь – друг и помощник, как без имени?

А у кого нет имени знаешь?

– У кур и уток. Ещё у овец. И свиньям никто имён не даёт.

– Вот я всегда говорила, что ты умный.

– Даня, а люди бывают, у которых имени нет?

– Есть такие. Имена почти всем дают – надо же как-то с ними разговаривать, если они у тебя работают. А вот рода

у них нет. Так и называются – бесфамильные. Они на всех работают, всем подчиняются, а у самих ничего почти нет и даже рода своего не знают.

– Почему, даня?

– Так устроено. Одни имеют много, другие мало, одни всё, другие ничего.

– У Бохайского вана всё есть!

– Видишь, какое дело, Мангули, кто больше имеет, тому больше и терять. У великого вана Бохая всё было, а теперь и Бохая нет, и даже имя нашему правителю дали лошадиное.

– Как это? Великому вану – лошадиное имя? Даня, это сказка?

– Нет, дружок Мангули, это не сказка. Говорят, так случилось. Наш последний государь Да Иньчжуань, который правил страной целых двадцать лет, перед несметным войском киданьских злодеев вынужден был притвориться, что сдаётся. Киданьский ван, а его зовут Абаоцзи⁴⁴, обрадовался, что так легко победил. А наш собрал верные войска и закрылся в Верхней столице. Рассвирепели кидани, кинулись на штурм не жалея себя, и не устояли наши – взяли кидани город и захватили Да Иньчжуаня в плен.

– Они его убили?

– Нет, они сделали хуже. Несчастливого Да Иньчжуаня лишили имени! Да, представь, его вместе с женой заставили

⁴⁴ Абаоцзи – Елюй Абаоцзи, киданьский хан, основатель династии и государства Ляо, с 916 года император

стать на колени, признать, что он больше не правитель великого Бохая, а потом этот киданьский Абаоцзи приказал ему и жене называться отныне и до конца жизни именами лошадей, на которых сидели Абаоцзи и его жена. Представляешь, какой позор и какое горе нашему правителю!

– Жалко этого Да Иньчжуаня. Все его теперь дразнить будут, будто он лошадь... Даня, я хочу стать ваном, чтобы киданей бить.

– Э-э, Мангули, не нужно такие слова говорить вслух, хорошо? Мы с тобой пока ещё многое имеем, чего нам терять не хочется.

– Чего мы тут имеем? Да ничего хорошего, даня. Мы едим даже не всегда досыта, а вкусное совсем редко едим. У тебя даже коровы нет, чтобы молоко пить, овец нет, чтобы баранины пожарить.

– Зато, друг мой Мангули, у нас с тобой есть имена и есть жизнь. А это, поверь мне, большое богатство, даже если ешь мало вкусного.

– Но у других же есть вкусности!

– Так устроено, пиктэрэн, так в мире заведено.

– Это несправедливо!

– Эге, справедливость – сложная штука! То, что одним справедливо, другим кажется совсем несправедливым.

– Ну что тут сложного? Это же совсем просто: нужно всем поступать по правилам и по-честному.

– Тебе надо бы в Управлении Справедливости служить.

– А разве есть такое управление?

– Есть. Вернее, было в нашем славном Бохайском государстве. А ещё были Управление Человеколюбия, Благоразумия и другие, которые жизнь народа приводили в соответствие с законами и правилами и следили за порядком. Вот хочешь, расскажу тебе об одном молодом чиновнике, который справедливость искал?

– Даян, откуда ты так много знаешь?

– А вот поживёшь как я, состаришься, тоже много знать будешь, ещё больше, чем я. Ну, слушай. Жил в Восточной столице юноша по имени Едун⁴⁵. Был он высокородного происхождения – его отец принадлежал к одной из сорока девяти семей шести самых знатных родов после родственников Кэду.

– Кэду – это кто?

– Кэду – правитель Бохая! Ты не знал?

– Отец называл правителя Ваном.

– Отец твой прав, конечно, его Ваном называли, особенно в последние годы. Сам танский⁴⁶ император даровал ему такой титул. Но по-нашему, по-мохэски⁴⁷ правитель – Кэду. Я так привыкла. Это, кстати, тоже пример разной справедливости: как правильно называть правителя Бохая? Кто тут справедливее – танский император или бохайский народ?

⁴⁵ Едун – ветер (маньч.)

⁴⁶ Тан – китайская империя Тан (618 – 907 гг.)

⁴⁷ Мохэ – тунгусо-маньчжурские племена, основное население Бохая

Ну, ладно, слушай дальше.

Послал отец Едуна учиться грамоте в столицу империи Тан – в сверкающий город Чанъань⁴⁸. Старательно учился Едун, выучил грамоту, научился счета вести, стихи сочинять, красиво говорить, музыку играть, хорошим манерам научился, сдал экзамен, как полагается. Вернулся на родину в Восточную столицу. Отец определил его в Министерство Правой Руки, в Управление Верности. Чин у Едуна, правда, был небольшой, но служил он старательно и надеялся на повышение. К тому времени настала пора Едуну жениться. А поскольку грамоту он познал, а стрелять из лука умел с детства, то по закону жениться ему было можно. Ты же знаешь, что нельзя жениться, если грамоты не знаешь и стрелять не умеешь? Вот, тебе тоже грамоту учить надо.

– Я не хочу жениться! Я воевать буду.

– Жениться всем мужчинам надо, без этого какой ты мужчина?

– Нет, я девчонок не люблю, они противные. Расскажи лучше про справедливость, а то ты опять начнёшь про другое, а что обещала забудешь.

– Ладно. И вот отец подыскал Едуну невесту, тоже из знатного рода, юную красавицу Алагдигу⁴⁹. И так она была красива, что Едун влюбился в неё сразу и уже ни о чём думать не мог, кроме своей будущей жены. Ну, свадьба не быстро

⁴⁸ Чанъань – столица империи Тан (сейчас Сиань)

⁴⁹ Алагдига – красивая

готовится, тут много всего сделать и предусмотреть нужно. А Едун своей радостью со всеми делится, и все ему счастья желают и подарки к свадьбе готовят.

Только начальник Управления Верности не радуется за Едуна. Умерла у него недавно жена и остался он вдовцом. А как увидал Алагдигу, пожелал её себе в жёны. И решил отнять невесту у Едуна. Пообещал отцу Алагдиги дары великие, о которых тот и мечтать не мог. Отец Алагдиги уже почти согласен, только как же отказать родным Едуна, с которыми уже договорено? Однако начальник говорит: «Не беспокойся, дорогой тесть, я всё улажу» и при этом даёт дорогие подарки. Уговорил отца Алагдиги. Потом уговорил отца Едуна, потому что власть у него была нешуточная в том городе столичном Луньюаньфу⁵⁰ и, опять же, подарков дорогих не пожалел. Отец подумал: «Зачем ссориться с таким большим начальником? Лучше принять подарки и остаться с ним в хороших отношениях. А Едуну другую красавицу найдём». И всё бы хорошо, да не согласился с таким решением Едун. Алагдига тоже не согласилась, потому что полюбили они с Едуном друг друга и жить друг без дружки уже не могли. Тебе не скучно про любовь-то слушать?

– Рассказывай. Мне про справедливость интересно. Едун сейчас должен взять меч и убить этого начальника! Это будет справедливо!

⁵⁰ Луньюаньфу – название Восточной столицы Бохая, располагалась недалеко от современного китайского города Хуньчунь

– Тогда его посадят в яму как убийцу, а потом, как требует закон, казнят. И не будет у него ни невесты-красавицы, ни самой жизни. Какая же это справедливость? Нет, Едун недаром учился, он решил добиться справедливости по государственным законам.

И вот что он сделал: он написал прошение в Управление Обычаев. Ведь нарушались народные обычаи в отношении свадьбы. В Управлении Обычаев прошение приняли, и по правилам действительно нельзя было расторгать помолвку, если жених и невеста этого не желают. Но в этом управлении не хотели ссориться с важным начальником Управления Верности, и постановили, что Едун должен с этим вопросом обратиться в Управление Благоразумия.

Понёс Едун прошение в Управление Благоразумия. И правда, по законам благоразумия молодых не должны лишать счастья. Но в этом управлении благоразумно не пожелали обижать большого начальника и отослали жениха искать справедливость в Министерство Левой Руки, в Управление Человеколюбия. Конечно, Едун очень надеялся, что в этом управлении его вопрос решат справедливо. Но отказали Едуну на том основании, что если отдадут невесту ему, то нарушат правила человеколюбия в отношении его начальника, который тоже страстно желает эту же невесту.

Ничего не оставалось несчастному жениху, как обратиться в Управление Справедливости. И представь себе, в этом министерстве признали справедливым право Едуна женить-

ся на своей законной невесте красавице Алагдиге. Но сказали, что утвердить это решение может только Управление Правосудия.

У Едуна уже сил не было просить, доказывать, ждать решений, переживать. Но он упорный был, решил довести дело до справедливого конца. Будь что будет, понёс прошение в Управление Правосудия Министерства Левой Руки. И утвердили там его право на женитьбу! И сыграли свадьбу. Только гостей было мало – не все пришли, видать, побоялись гнева большого начальника.

И Едун побаивался сначала. Но нет, никак не выказал недовольства его высокий начальник. Даже поздравил с женитьбой, подарок подарил. А на работе хвалить стал за усердие.

И вот однажды случилась государственная необходимость послать на самую дальнюю восточную окраину толкового человека, чтобы крепость построил среди тайги, где одни медведи с вепрями и тиграми, да народ непослушный и нрава жёсткого. И начальник Управления Верности говорит: «Есть у меня в Управлении подходящий человек – грамотный, очень честный и умный, который любит законы, а больше всего уважает справедливость. Он несомненно сумеет приучить к послушанию дикое население восточных окраинных земель». И послали в далёкие горы, покрытые дремучей тайгой, Едуна с его молодой женой. И лишились они красивой столичной жизни, стали жить вдалеке от родных и дру-

зей, стали питаться простой пищей, спать на твёрдой постели и ездить верхом, потому что не было в тех краях дорог для повозок. Вот такая справедливость. А разве нет?⁵¹

Эй, да ты спишь? А я ему распеваю, словно птица на ветке...

⁵¹ Перечисленные в сказке Управления действительно существовали в Бохайском государстве, только занимались они государственными делами. Например, в Управлении Справедливости занимались составлением и соблюдением государственных ритуалов, жертвоприношениями и данью; Управление Гуманности было высшим финансовым органом страны, распределяло государственные земли, следило за налогами и амбарами; Управление Мудрости отвечало за войска, их снабжение, за назначение и отставку военачальников, за точность карт, за охрану границ

Глава 9. О большой рыбе и конопле

Гогсига заехал во двор, слез с лошади, привязал повод.

– Благополучия твоему дому, невестушка! Крепкого здоровья тебе, пиктэрэн.

– Рада тебе, Гогсига! Проходи, угошу чем-нибудь.

– Не старайся, Гобо, я проездом. Хочу внука взять, показать, как большую рыбу ловят. Заодно на обратном пути вам завезём свежей. Поехали, пиктэрэн! Иди сюда, вот так, – дед усадил Мангули впереди седла.

– Подожди, соберу чего-нибудь, он не ел ещё сегодня.

– Там поедим. Ехать на большую рыбу и еду брать?

Ехать было недалеко. На берегу основного русла реки стоял временный лагерь заготовителей: навесы с лежанками из травы, вешала для вяления рыбы, открытая печь из камней для готовки пищи. Русло было перегорожено по перекаату плетёным из прутьев забором, у которого вода бурлила от рыбы.

– Ого! Мапа, смотри, сколько рыбы! А вон, смотри, огромная!

– Это, наверно, вожак рыбьего племени, проход ищет.

– У рыб тоже племена есть?

– А как же, конечно. И у каждого племени свой вожак, которого все слушают. Так и у людей. Если вожак хороший, выведет, не сумеет – погибнет племя. Так в мире сделано.

– А зачем сена накидали?

– Сено около изгороди плавает, чтобы рыба забор не перепрыгивала. Она высоко прыгать может. Пойдём, посмотрим, как ловить станут.

Между берегом и загородкой был проход шага в три, после него ниже выгородка в виде кармана. Рабочие приоткрыли небольшой проход из кармана, рыба пошла в эту дыру. Но проход был специально невелик, поэтому в карман набилось рыбы столько, что казалось, там и воды почти нет. Двое рабочих вооружились большими сачками и стали вычерпывать рыб и вываливать прямо в телегу с высокими бортами, стоящую вплотную к берегу.

Мангули забрался на край телеги, смотрел, как бьются серебряные рыбины.

– Пиктэрэн, пойдём есть!

– погоди, мапа, я хочу увидеть того огромного вожака.

– Его здесь не будет. Какой же он вождь, если в ловушку попадёт? Он ждёт, когда люди откроют проход, а сами уйдут.

– Он такой умный?

– Пошли, посмотрим на него. Вот здесь в тени стой смирно. Сейчас, ещё немного, и телега наполнится. Так. Теперь смотри, сейчас откроют проход полностью и уйдут.

– Зачем? Вся рыба уплывёт же!

– Нельзя же вылавливать всю до единой. Тогда род её прекратится, и не будет больше рыбы в реке.

– Я понял: тогда людям есть будет нечего.

– Это полбеда, можно на другой реке поймать, только что ехать подальше. Беда, что истребим род рыбий, который в этой реке проживал веки вечные, и не станет этого рода совсем. Разве это хорошее дело? Вон, вон, смотри, вот он, видишь?

– Да! Огромный! Всё, прошёл! А за ним его родственники?

– Ну, конечно.

– А к нам тоже его родня попалась?

– Наверно. Это те, которые вождя не слушались, хотели первыми к нерестилищу прорваться, лучшие места захватить. Вот и будут теперь вялиться на лучших местах на солнышке. Пойдём, вон нам машут, настоящей ухи поедим.

– А это в телеге вся рыба нам?

– Отвезу к себе, там мои работники её разделают, повесят сушить. Это всем, и вам с Гобо зимой еда будет. Другие, вон, здесь сушат, видишь висит. У меня людей не хватает, чтобы здесь с нею возиться.

– А завтра мы тоже ловить приедем?

– Нет, завтра не наш день. Видишь, загородка какая большая? Это всем селом ставили, каждый работал или людей давал. В соответствии с трудом и количество дней для ловли.

– Так что же они завтра ловить станут, если ворота открыты?

– Это рыбе стадо пройдёт, ночью снова закроют. К утру новое стадо придёт, столько же рыбы будет прохода ждать.

Всем хватит. И на расплод останется.

Объевшийся вкусной ухой Мангули обратную дорогу клевал носом, но спустившись с лошади самостоятельно донёс от телеги большую рыбину.

– Даня, смотри, мы с мапой добыли!

– Ай, молодцы – мужчины! Мы с тобой теперь два дня думать о еде не будем. Вечером сварю и пировать станем. А сейчас, дружок Мангули, помоги мне закончить с этой коноплей. Устала я что-то на жаре, а там ещё много.

– Что делать-то? Я тоже устал, даня.

– Пойдём, покажу.

Пришли на поле.

– Смотри, вот такая трава, видишь, вот её вырывать нужно и складывать. А такую оставлять. Различаешь?

– Ну, да. А зачем?

– Из неё будем пряжу теребить, потом нитки вить, после сотку материю, а из неё нам с тобой одежду сошью.

– А та, другая, не конопля?

– Обе – конопля. Однако у конопли как у людей есть мужчины и женщины. Вот, которую вырывать сейчас – та мужчины.

– Почему так нечестно? Почему мужчин вырывать, а женщин оставлять?

– Так устроено, дружок. Мужчины не нужны уже на этом поле, они выше, видишь, свет женским коноплям закрывают,

расти мешают.

– Тогда по справедливости всех надо вырвать и сделать из всех нитки.

– А что мы в следующем году сеять будем? Женские травы семена дают. Вот вызреют семена, тогда и этих соберём, обмолотим и сделаем из них нитки. Зато, скажу тебе интересную вещь: из мужских растений мягкая ткань получается, потому что молодыми их собираем, а из старых затвердевших женских растений и одежда жёсткая выходит. Вот так-то. Ну, давай, дёргай. Ты с этой стороны, а я с той.

– Даня, что-то у меня поясница болит...

– Ах, ты, у тебя поясница? Наверно ты перетрудился...

– Да. И руки болят.

– А, я поняла, у тебя такая же причина, как у Айоги.

– Кто это, Айога?

– А вот жила такая девочка у своих родителей. Очень себя любила. Мать ей говорит: «Айога, сходи за водой на речку». А она отвечает: «Я боюсь, в воду упаду, там берег крутой». «Там рядом ива растёт, держись за неё». «Я же руки о ветки исцарапаю». «Так рукавицы надень». «Они ведь порвутся». «Зашьёшь, если порвутся, я же тебя учила шить», – говорит мать. «Шить стану, иглу сломаю...»

– Даня, она что дура, эта Айога?

– Я не знаю, мне кажется, она задумала что-то. Тут, пока мать с дочерью так переговаривались, соседская девочка всё это слышала, наверно, подумала так же, как и ты, и говорит:

«Давайте я схожу за водой». Взяла бадью и принесла с реки полную.

Мать тесто на той воде замесила, спекла лепёшки вкусные-превкусные. Запах от них!..

Айога говорит: «Ма, дай лепёшку». Мать отвечает: «Ой, что ты, дочечка, она горячая, ты ручки обожжёшь». «Не беда, я рукавицы надену», – говорит Айога. «Рукавицы мокрые», – отвечает мать. «Ну и что, я их на солнце высушу». «Они от сушки покоробятся». «Я их мялкой разомну». «Ой, дочка, у тебя ручки заболят. Зачем тебе трудиться, я лучше лепёшку соседской девочке отдам, которая своих рук не жалует».

Взяла и отдала лепёшку соседской девчонке, которая воду принесла.

А та отломилась половину и Айоге протягивает: «Бери, тебе же тоже хочется».

Рассердилась Айога, зашипела от обиды, замахала на соседку руками, словно крыльями, да в речку с высокого берега – бултых! И с головой. А вынырнула уже гусыней – шею вытягивает, крыльями хлопает и шипит от злости:

– Я гордая Айо-га-га-га! Не надо мне ни че-го-го-го! Вот такая история⁵².

А мы с тобой за разговорами уже почти до конца гряды дошли. Вот ещё немножко...

– Даня, ты иди уже домой, поставь рыбу варить и отдыхай.

⁵² Сказка по мотивам нанайской сказки «Айога»

А я сам тут закончу. Правда, я сильный!

Глава 10. Игра в мяч на лошадях⁵³

Пришёл ханец⁵⁴ Энлэй, раб Гогсиги, привёл в поводу седланную лошадь.

– Госпожа, мой господин приглашает внука на игру в мяч на лошадях.

– Что это, старый Гогсига совсем с ума сошёл, ребёнка на игру в мяч!

– Нет, госпожа, мой хозяин не сошёл с ума, он приглашает смотреть игру в мяч на лошадях.

– Ах, ну если посмотреть... Пиктэрэн, поди сюда. Одевайся теплее, поедешь с дедом смотреть игру в мяч на лошадях. Он за тобой лошадь прислал.

– Ого! Я хочу! Я поеду!

– Оденься, я сказала! Там будешь на ветру полдня, простынешь. Только сегодня чтобы вернулся, ладно? Эй, как тебя, Энлэй, скажешь хозяину, чтобы вернул мне внука сегодня, понял?

– Да, госпожа. Скажу, чтобы вернул внука вечером.

Энлэй подержал стремя, чтобы Мангули поднялся в седло, пошёл рядом.

⁵³ Конное поло было чрезвычайно популярно в Бохае. Эта игра считалась хорошей боевой подготовкой

⁵⁴ Ханьцы – основная народность на территории Китая. Название происходит от древней династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.)

– Эй, садись на лошадь тоже, – пригласил Мангули.

– Нет, господин, мне нельзя.

– Садись, ты же не мой раб. Никто не видит тут в лесу.

Чего тебе пешком топать?

– Нет.

– Ну и зря.

– Можно я вам скажу один секрет, молодой господин?

– Говори.

– Рабам нельзя показывать свою доброту.

– Почему? Тебе разве не хочется, чтобы хозяин был добрым?

– Всем хочется. Но обычно люди принимают доброту за слабость. Потом слушаться не станут совсем.

– Тех, кто не слушается, надо наказывать!

– После доброты рабы воспринимают наказание как несправедливость, они считают, что хозяин всегда должен быть добрым. Я видел многих таких. Потом они убегают или даже убивают хозяина. Если вы добрый, не показывайте это.

– Почему так?

– Так люди устроены.

– А ты почему не убежишь? Я слышал, у моего деда все остальные убежали. Сейчас ловить некому, уйдёшь домой.

– Ай, господин, дома может быть ещё хуже, а может быть дома уже и нет.

– Почему?

– На моей родине, ещё хуже, чем у вас, всё время войны,

восстания, императоры меняются, династии меняются, государство и то названия меняет.

– Ну и что, дома всё равно лучше.

– Если мой дом цел, меня заставят платить налоги. Придётся работать может больше, чем теперь. Да и привык я здесь, у меня жена. Работы не очень много, хозяин хороший. Мне нравится, чего не жить?

Гогсига уже поджидал внука.

– Хорошего здоровья, мапа!

– Тебе интересного дня, пиктэрэн! Ты утром поел? Тогда поехали, а то опоздаем. Все уже уехали.

– А кто все, мапа?

– Игроки. И болельщики – почти все жители нашего села.

Из крепости тоже, говорят, поехали.

– Мапа, а кто эти, из крепости? Там же все дома сгорели, я сам видел.

– Слушай меня внимательно: никогда никому этого не говори! Понял? Никогда! Никто не должен знать, что ты жил в крепости!

– Я помню. Я же только тебе...

– Я и так знаю. Там теперь другие. Приехал новый гарнизон, будут строить снова.

– Они кидани?

– Нет, хуже. Они бохайцы.

– Почему хуже? Бохайцы же наши.

- Потому что их послали кидани, чтобы они управляли нами, и они согласились и приехали.
- Они – предатели?
- Да. Только не говори этого вслух.
- Ну почему всё нельзя, мапа?!
- Время ещё не пришло, пиктэрэн. Давай лучше о игре поговорим.
- Меня отец обещал на игру взять, ему всегда некогда было, а потом на войну уехал, а потом... Мапа, ты не знаешь, когда они с матерью за мной приедут?
- Откуда же мне знать, Мангули? Наверно, дела у них. Как сделают, сразу вернуться.
- А они с киданями воюют, да? Не сердись, я знаю, что об этом нельзя...
- Ну вот, молодец. Скоро уже приедем. Во-он скажут, видишь, лошадей разогревают.
- Мапа, а из какой страны этот Энлэй?
- Он ханец, из Танской империи. Нет, вернее, из Поздней Лян⁵⁵... тьфу, не успеешь за ними уследить, теперь она называется Поздняя Тан⁵⁶, если ещё не сменили.
- Значит верно этот Энлэй сказал, что у него на родине всё время войны и всё время меняются императоры и династии.

⁵⁵ Поздняя Лян (907 – 923 гг.) – первое государство из «Пяти Династий» (эпоха политических переворотов) после империи Тан

⁵⁶ Поздняя Тан (923 – 936 гг.) – второе государство из «Пяти Династий» после империи Тан

– Э, сейчас везде такое безобразие. Людям жить некогда – то голод, то война, то мор, то налоги поднимут так, что жить нельзя, тогда восстание, потом снова голод.

– В нашем Бохае не так.

– В нашем Бохае, друг ты мой, ещё хуже: в нашем Бохае нет теперь Бохая! Но...

– Но об этом нельзя говорить, правда, мапа?

Всадники построились в два ряда напротив друг друга посреди обширного луга. У одних были синие повязки на головах, у других красные.

– Мапа, а наши какие, красные или синие?

– Они все наши. Просто поделились по жребию и будут биться друг с другом.

– А-а, понятно. А почему по семь конников в командах?

– Так люди решили. Раньше помногу было, теперь мало мужчин осталось, а среди них хорошо играющих ещё меньше. Давно ведь не играли.

– Из-за войны?

– Да. Смотри, вот, начинают.

Человек в красном халате бросил между шеренгами участников мяч. Всё вдруг смешалось! Лошади ринулись в кучу, всадники махали длинными палками с утолщениями на концах. Мяч вылетел, покатился, двое поскакали за ним, один ударил, другой подхватил, повёл, ему на перерез ринулись ещё несколько... Люди вокруг поля кричали, махали

руками. Многие, как и игроки были на лошадях и скакали вдоль кромки большого поля, обозначенной вбитыми кольями с мешками сена на них.

– Мапа, а для чего те мешки?

– Не мешай! Давай, Киинчи⁵⁷, давай, обходи справа!!! Какие мешки? А, это чтобы лошади рёбра не сломали, если налетят. Дава-ай! Э-эх!

– Мапа, а Киинчи наш?

– Давай, Киинчи, пошёл, пошёл! А-а-а-а! Закатил! Взял хотон⁵⁸! Киинчи – воин! Киинчи – воин!

И многие из тех, кто наблюдал за игрой закричали так громко, что Мангули зажал уши ладонями:

– Хотон! Хотон! Киинчи – воин!!!

А человек в красном халате снова построил всадников в две шеренги и снова вбросил мяч.

И снова всё смешалось, всадники носились по полю за мячом, сшибались лошади, вдруг кто-то слетел с лошади и, прокатившись по земле тут же вскочил в седло, казалось, даже не вставая на ноги. И пошёл, пошёл с мячом к хотону соперников, и ударил с размаху. Мяч, подлетев, вкатился между двумя столбами, также обмотанными мешками с сеном.

– А-а-а! Закатил! Хотон! – кричали все вокруг.

– Киинчи – воин! – кричал Мангули, который уже тоже перемещался на лошади вдоль края поля и давно не огляды-

⁵⁷ Киинчи – чайка (нан.)

⁵⁸ Хотон – город (нан.)

вался на своего деда. Рядом оказался всадник чуть постарше.

– Эй, ты кто? – спросил он Мангули, прижав его лошадь своей.

– А ты кто?

– Я тут живу!

– Я тоже тут живу! Может, ещё больше тебя живу.

– Я тебя не видел.

– Ну и что? Я тебя тоже не встречал, да не спрашиваю, кто ты, – Мангули ударил пятками лошадь и вырвался из прижима, ускакал в сторону играющих.

Продудели перерыв. Игроки спешили, осмотрели лошадей, в первую очередь ноги, морды, крупы. Один попросил замену – лошадь хромала. Вместо него выехал другой в такой же синей повязке. Тот, который упал, бурно жестикублировал в окружении товарищей.

Снова прогудели. Команды выстроились в середине, теперь они поменялись хотонами. Вброс мяча – и сразу яростная борьба!

Мангули уже не помнил себя, тоже носился и кричал. Ему так хотелось выскочить галопом на поле и ударить по мячу!

Борьба переместилась на противоположный край поля, мяч вылетел далеко и покатился вдоль кромки и тут кто-то из болельщиков выехал на поле и, свесившись до земли, прямо рукой направил мяч в хотон...

Возглас недоумения и затем рёв злости вылетел одновременно из десятков ртов. Игроки и болельщики ринулись

к нарушителю. Мангули в общем порыве тоже не отставал, понукая ударами пяток послушную лошадь, и одновременно сжимаясь от страха, когда представил, что сейчас будет с тем болельщиком.

Но рядом с нарушившим игру вдруг выстроились плотным кольцом крепкие молодые мужчины в кожаных нагрудниках и обнажили палаши. Подъехавшие встали в трёх шагах. Наступила тишина, только храпели взмыленные лошади игроков.

– Это те, из крепости, власть свою показывают, – сказал кто-то в полголоса недалеко от Мангули.

– Предатели! – звонко выкрикнул Мангули и даже оглянулся – сам от себя не ожидал, может это не он?

Воины плотным клином двинулись вперёд с поднятыми палашами. Игроки и болельщики в нерешительности попятнулись.

И тут впереди оказался Гогсига. Он не сдвинулся с места, пока враги не подъехали вплотную. К Гогсиге приблизился человек в железном пластинчатом нагруднике.

– Слишком смелый? – спросил он Гогсигу. – По твоей внешности заметно. Но меня такой рожей не напугаешь. Хочешь остаться со второй половиной лица, отдай нам того щенка, который сейчас кричал!

– Ты тоже, вижу, не из трусов. И пугать тебя я не буду. Но ведь вы прибыли сюда не на три дня, верно? Вам здесь жить. И вы хотите сидеть годами в крепости и бояться схо-

дить на рыбалку, на охоту или к нашим девушкам? Уберите мечи и езжайте к себе. Сегодня для вас игра закончена.

Тишина стояла так долго, что казалось, взорвётся... Командир вложил меч в ножны и повернул лошадь. За ним последовали остальные.

Конечно, после этого уже не играли. Мужчины стали обсуждать случившееся. Мангули понял, что натворил нехорошее и отъехал в сторонку. Подъехал тот парень, что приставал с расспросами.

– Эй, ты смелый! Я тоже хотел такое крикнуть, но не успел, ты первый крикнул. Меня Гаямэ⁵⁹ зовут.

– Я Мангули из рода Тохто. Я из Янь-города приехал. Гогсига – мой дед.

– Твой дед тоже очень смелый!

Назад Гогсига с Мангули ехали молча. Мангули ждал, что дед станет ругать, и это ожидание было хуже самого тяжёлого наказания.

– Мапа, я правда не хотел, оно само вырвалось...

– Ты смелый, Мангули. Ты – мужчина. Только тебе надо вырасти раньше, чем ты умрёшь. Поэтому, прошу тебя, думай, прежде чем говорить.

⁵⁹ Гаямэ – охотник-медвежатник (удэ)

Глава 11. Сказка о соли

– Ну что, пиктэрэн, понравилась тебе игра в мяч на лоша-
дях?

– Понравилась. Даня, я так есть хочу!

– А, вот то-то, набегался вдоль поля и аппетит нагулял.
Заходи, комаров не впускай. Сейчас накормлю тебя. Я тут
приготовила – пальцы вместе с едой проглотишь!

– Сейчас, я Андара угощу. Я от мапы кость принёс.

– Не давай ему ничего, я его кормила, – крикнула Го-
бо в след мальчишке. – Вот забота мне на старую голову, –
и улыбнулась.

Мангули вернулся быстро под радостный лай вслед.

– Даня, это небольшая косточка. Я же только угостить.

– Хочешь, чтобы собака тебя уважала и слушалась, не ба-
луй её. Понял?

– Это как с рабами?

– А ты откуда про рабов знаешь?

– Мне Энлэй говорил. Но я не хочу, чтобы Андар был мо-
им рабом. Он – мой друг!

– Ну, смотри, тебе виднее. Садись, ешь, а то остынет.
Вкусно?

– Угу. Даня, мапа сказал, чтобы я к нему приходил через
день учиться.

– Чему собрался учить тебя старый Гогсига?

– Сказал «всему».

– Ну, что ж, учиться всегда полезно. Чем больше всего умеешь, тем легче в жизни.

– Даня, а ты видела, как играют мячом на лошадях?

– Видела. И не раз. Раньше часто играли. Все смотреть ходили, многие на лошадях приезжали. Мой муж играл, а я смотрела. Все, кто смотрел, кричали, бегали, скакали туда-сюда. Меня раз сбили лошадью, чуть не затоптали. Да, хорошее было время...

– Даня, я хочу играть в мяч на лошади.

– Хорошее это дело, Мангули. Только где же нам лошадь взять? Да и лошадь нужна не какая-нибудь. Умная, сообразительная должна быть лошадь. С ней заниматься надо, учить несколько лет. Лошадь должна понимать игру – вот какая должна быть лошадь для такого дела. Она под всадником сама играет, он только клюкой по мячу попадать должен.

– Даня, откуда ты так всё знаешь?

– Так я же тебе говорю, муж играл. Он только об этом и говорил. А я запомнила. Лошадь должна быть резвая, поворотливая, должна уметь быстро разгоняться, резко останавливаться, поворачивать, понимать, как обыграть других лошадей и оказаться рядом с мячом, да ещё так, чтобы всаднику удобно было ударить. Вот такая должна быть лошадь. Ну и всадник должен быть не дурак, соответствовать умной лошади.

– Ты так говоришь, будто играют лошади, а люди им по-

могают.

– А вот ты присмотришь в другой раз – так оно и есть. Человек не может поводами объяснить лошади как ей на скаку наклониться, убрать ногу, повернуть голову, чтобы ему удобно было ударить. Поводом можно только повернуть, остановить. Хорошей лошади ничего и объяснять не надо, только общий замысел всадника, дальше она сама играет, лишь по мячу бей точно.

– Ух ты! Я хочу! Даня, ты так рассказываешь, будто сама играла.

– Женщины не играют. Но была бы мужчиной, точно играла бы. Муж однажды давал мне клюку на нашей поляне попробовать.

– Ну, и как?

– А... никак. Подъехала на его жеребце, размахнулась, да как дала по ноге коню... Хорошо, силы во мне немного. Жалко было коника. Муж ругал. Больше не пробовала. Я же тебе говорю, этому несколько лет учиться надо.

– Я буду. Я попрошу мапу Гогсигу, он научит. Я, когда смотрел, мне казалось, будто они воюют на лошадях.

– А это почти так и есть. Кто на лошади с мячом хорошо управляется, тот и на войне лучший воин.

– Даня, кто такую хорошую игру придумал?

– Не знаю. Одни говорят, в неё по всему миру играют, у кого лошади в почёте.

– А что, есть такие, которые лошадей не любят?

– Есть такие народы, которые лошадей и не держат. Разные есть на Земле. Слышала, что будто наши предки эту игру придумали. Не знаю. Но зато точно известно, что наши предки были лучшими всадниками!

– Правда? Вот здорово! Наши всех побеждали!

– Ну, побеждали, конечно, не всегда. Но не по своей вине.

– Даня, расскажи!

– Это грустная история. Было ещё когда Бохая не было. Тогда танский император послал войско на государство Когурё. Когурё слабое было, видят, не справятся, позвали на помощь наших мохэских воинов. Собрались наши самые сильные и поехали воевать. Славно воевали, били танские войска во всех сражениях. Но что ты думаешь, подкупили танские лазутчики когурёских полководцев, и предали они свою армию и наших всадников. Все в плен к танцам попали. Танский император видел, что из-за наших всадников не могли они победить Когурё. Приказал он всех пленных когурёских воинов отпустить. А наших мохэских все три тысячи славных всадников приказал закопать живыми в землю. Вот так он боялся наших предков!

– Я хочу убить этого императора!

– А его и убили. Говорят, собственный военный министр убил. Предал и убил.

– Так ему и надо! Даня, а почему наши этому Когурё помогали, а Когурё нам не помогло, когда кидани напали?

– А к тому времени не было уже Когурё. У них там такое

началось...

– Как в империи Тан?

– Наверно так же. Тоже всё поломалось в Когурё-государстве. Назвали его потом Позднее Когурё, потом переименовали в Маджин, теперь Тхэбон называется, а порядка, говорят, всё нет. Так что им самим помощь требуется. Ты же говорил, есть хочешь, а сидишь, задумался. Ешь, давай, остыло уже. Давай-ка я с тобой тоже перекушу, захотелось, глядя на тебя. Вот лук, побольше его наворачивай. Кто много лука ест, тот не болеет никогда.

– Лук без соли горький. Даня, дай соли.

– Да мало у нас соли, пиктэрэн. Сам знаешь, какие времена, неизвестно теперь, приедут ли купцы. Да и за что её выменивать, эту соль? Небогаты мы с тобой. Ну на вот, немного в плошке осталось, но не налегай, а то похлёбку посолить нечем будет.

– Да ну, даня, за что тут платить – солёные крупинки, это же не мясо, его не растить.

– А ты думаешь, как её добывают эту соль?

– Не знаю, наверно выкапывают где-нибудь.

– Вот я тебе сейчас расскажу, как соль из воды добывают.

– Так не бывает, даня, как это – соль из воды?

– А вот, слушай. Сбежал у нас раб. Молодой, крепкий, из шивэйцев⁶⁰. Незадолго перед тем купили, задорого. Ра-

⁶⁰ Шивэй – монгольские и тунгусские племена кочевников на северо-западных границах Бохая

ботал с улыбкой всегда, весело, говорил, что нравится ему у нас. А однажды лошадь украл и сбежал. Муж, как положено, съездил в крепость, заявил о побеге, приметы сказал. Поймали через неделю, без лошади уже. Привезли худого, грязного, побитого. И улыбается.

Муж говорит: «Можно, конечно, с него шкуру палками спустить, в цепь заковать, да что толку. Я, говорит, таких знаю – всё равно снова сбежит, только ещё и нас поубивать может или дом подожжёт. Будешь с таким рабом жить и бояться». Не стал он раба того наказывать, решил продать. Но тут кому продашь – все уже знают, что беглый. Повёз на соляные промыслы. И меня взял. Мы тогда молоды были, всё вместе хотели делать, ездили часто куда-нибудь – то к морю, то в соседние сёла, в крепость нашу, однажды даже в окружную столицу – в город Янь⁶¹ на большой лодке ездили.

И вот мы на лодке поплыли. Двое гребцов у нас, раб этот связанный, к лодке прикованный на всякий случай, и мы с мужем. По нашей Быстрой легко до устья доплыли, там целый день по морю плыли, ночевали, потом ещё плыли. Но волны небольшие были, говорили, повезло нам на такой маленькой лодке. И так к солеварам доплыли. Там берег низкий-низкий, плоский, деревьев нет, горы далеко. И озёра,

⁶¹ Город Янь – здесь столица округа Яньчжоу (переводится как Соляной округ), входил в область Восточной столицы (Луньюаньфу). Находился в Краскинском городище на юге современного Хасанского района Приморского края

рабами нарытые, в которых соль выпаривают.

Начальник промыслов сам пришёл, посмотрел, говорит: «Крепкий раб, до конца сезона выдержит, а может и зиму перезимует. Беру». Муж-то мой честный, всё ему рассказал, что раб беглый. Начальник смеётся, говорит: «Понятно, что беглый. Кто же крепкого, да покладистого раба в расход задёшево отдаст». Сговорились они о цене. Муж говорит: «Возьмём солью. Она тут самая дешёвая, много получится. Дома часть продадим, и себе оставим. Надолго хватит. Раба купим, ещё и в прибыли окажемся». Тому начальнику было ещё и лучше – деньги не отдавать, а соли там у него не считано сколько. Но пришлось нам ждать, пока партию промоят, а то она, если немытая, горькая. Вот мы и ждали три дня. Смотрели, как соль из воды получается.

Вот там я впервые киданей увидела – лютые, с плётками, на конях носятся – звери! Они рабов охраняют. Говорят, ни один не сбежал.

– И правильно, нечего от хозяев бегать! Так им и надо, тем рабам!

– Ишь ты, умник какой! А вот придут сейчас победители кидани, да утащат тебя и продадут, словно собаку или поросёнка, как это тебе? На цепь посадят и заставят жернова крутить в мельнице.

– А я не стану!

– Да куда ж ты денешься – дня два-три на одной воде посидишь, и за работу примешься, ещё и стараться станешь,

чтобы вечером кашу получить.

– А я сбегу!

– Вот то-то – сбежишь! И тот наш сбежал. А его на соль. А на соляной добыче год редко кто проживает. Так-то. Хочешь другого судить – влезь в его шкуру.

– Ты про соль обещала рассказать, как её из воды делают, а сама опять о другом, как всегда...

– Ладно, про соль. Нам с мужем делать нечего было, мы с утра поедим и идём бродить. Где стоим наблюдаем, как люди трудятся, где поговорим с начальником, или с надсмотрщиком. Так всё и посмотрели.

У них там два способа добычи. Один долгий. Сначала делают вровень с морем, но через дамбу, большое озеро, вот как наш огород, да таких вдоль берега несколько. Глубина у них по колено, а дно ровное, плоское. Прокапывают от моря канавку, запускают воду и закрывают. Пока погода жаркая, вода высыхает, уменьшается.

Пока это творится, рядом роют другой водоём, такой же большой с очень ровным дном чуть ниже первого. Там мастер строгий, следит за тем, чтобы дно было плоское, как вода в озере. Приспособление есть у него за этим следить и помощники. Потом рабы на дно глину насыпают ровным слоем и трамбуют плотно, чтобы вода не утекала.

Пока это делают, в первом озере вода немного высохла, меньше её стало. Там из воды на дно соль выпадать начинает. Это дурная соль. Кто её ест, у того кишки забиваются. Ма-

стер знает, когда она на дно вся упадёт, тогда рассол пропускают по канавке во второе озеро. Там тоже выпаривают. Долго это, говорят, потому что нужно жаркое солнце и горячий ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.